

Евгения Мелемина

18+

Полёт опугайчика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Мелемина
Полёт попугайчика

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мелемина Е. В.

Полёт попугайчика / Е. В. Мелемина — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Необычайно жестокий теракт потрясает Америку. Ученики старших классов учинили бойню, расправившись с одноклассниками и учителями собственной школы. Кто они, эти несовершеннолетние убийцы? Что привело их на кровавый путь, откуда никто не вернулся живым?" Полёт попугайчика" — пятая книга Евгении Мелеминой, автора-лауреата премии "Рукопись года" (2011-2012, первое место). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгения Мелемина

Полёт попугайчика

Пролог

– С высоты птичьего полёта этот городишко выглядит намного лучше.

Томми посмотрел на свои резиновые сапоги, облепленные грязью, а потом глянул вверх. Осеннее небо висело серыми лохмотьями – гардина в старом доме, изгрызенная мышами, в длинной бахrome застарелой пыли, которой уже никогда не коснётся служанка.

В небе виднелся разлом – тусклая гладь. Просвет в заколоченном окне.

– А как выглядит город с высоты птичьего полёта? – нерешительно спросил он, оглядываясь по сторонам, – только бы никто не увидел, что он болтает с бродягой, мама за такое лишит десерта на неделю, а папа может шлёпнуть по лбу газетой, не больно, но очень унижительно...

– Хрен его знает, – глубокомысленно сказал бродяга, вынул из рукава окурочек и приклеил его к отвисшей слюнявой губе.

Томми не стал дожидаться, пока он закурит, и дымом пропахнет новенький дождевик, и дал дёру, а по пути угодил в глубокую лужу, ледяная вода хлынула в сапоги, и потом он ещё неделю валялся с простудой.

Глава 1

Карла принесла фото: снимки с самолёта, снимки с вертолёта, снимки со спутника.

– Вот этот можно в начало дать, – сказала она, разглядывая самый старый снимок, – посмотрите, здесь ещё нет Речной улицы, а мост деревянный. Консервный завод только начинает строиться. А эти холмы вовсе срыли...

Томми посмотрел через её плечо.

– Годится. Алекс сочинит слезливый текст про канувшее в Лету прошлое, о том, как слышал рассказы стариков про светлые дни, когда все они ещё были детьми и играли на этих холмах, а ангелы спускались к ним, чтобы потрепать по голове и угостить леденцом...

– Это я могу, – отозвался Алекс, выскребая остатки джема из стеклянной банки. – И про завод потом могу...

– Дай сюда. – Карла протянула руку и отняла у него ложку с банкой вместе. – Ненавижу, когда ложкой стучат... Значит, это фото пойдёт в начало. А это – в конец? Томми, посмотри.

Томми взял фото.

– Это последняя съёмка?

– Ей год-два.

По линейке вытянутые дороги, геометрически ровные парки, прямые улицы, прямые очертания речного берега.

– Это идиотская затея. Таких городов, как наш, сотни и тысячи, они все одинаковы, как еловые иголки. От того, что мы повесим пару фоток и подпишем к ним парочку слюнявых историй, город не станет интересным. Если бы он был хоть чем-то прославлен, то можно было бы выжать максимум – описать захват маньяка, например...

– Или появление супергероя, – хихикнула Карла.

– Падение летающей тарелки, – добавил Алекс. – Розвилл, да?

– Да хоть прорыв плотины!

– Не надо прорыва плотины. Я не хочу, чтобы мой дом смыло, а я потом плавала в грязи посредидохлых собак и кур.

Томми пожал плечами и ещё раз взглянул на фото.

– Когда-то один бомж сказал мне, что с высоты птичьего полёта всё видится совершенно иначе.

Карла поднялась и вышла. Вернулась пританцовывая, мелькая разноцветными полосатыми гетрами. Кудряшки на её затылке подпрыгивали в такт музыке, глуховато доносившейся из соседней комнаты.

– А мне один бомж сказал, что если я дам ему семь пятьдесят, то он возьмёт мой член в рот. – Алекс перевернулся на спину и попытался ухватить Карлу за оборку салатовой юбки.

– Давайте закончим с этим как можно быстрее, – сказал Томми и собрал фотографии в стопку. – Алекс, пиши тексты, Карла, с тебя фотографии. Ищи картины из жизни: сама знаешь, что цепляет, не мне тебя учить.

– А ты?

Карла поставила Алексу ногу на горло и сделала вид, что отплясывает на нём чечётку. Алекс не сопротивлялся, но хрипел и сипел, показывая, как ему плохо и больно.

– А ты... ты-ы-ы... что будешь делать?.. О, смертный, раздавший повеления богам?

– Я богиня красоты, – заявила Карла.

– Я что-нибудь тоже сделаю, – пообещал Томми, – просто я хочу в футбольную команду, и много времени провожу...

– Пялясь на группу поддержки, – закончила Карла.

– И это тоже.

Карла сняла ногу с горла Алекса, раскинула руки, повела глазами и запрыгала по комнате.
– Делай – раз, делай – два! Делай – три!

Томми опасливо убрал пустую стеклянную банку подальше.

– Деевочки! – запищала Карла, продолжая выступать, – прошлась качающейся походкой, выпятила грудь. – Мы лучшие? Да! Мы лучшие? Да!

Под конец она надула губы, прищурила глаза и сделала жест, который невозможно было не узнать – именно таким Минди взбивала гриву своих белокурых волос.

Карла уселась на пол. Она дышала слегка учащённо и улыбалась.

– Ты ходишь туда пялиться на Минди-ноги-сиськи.

– Тебя не взяли в эту группу поддержки, потому что у них уже полный состав, – сказал Алекс.

Он всё ещё лежал, но теперь не на спине, а на боку и опирался на локоть. И он, и Томми знали, как долго Карла добивалась местечка в этой группе и сколько часов прыгала перед зеркалом, изучая фирменные движения. Её не взяли, и не только потому, что Минди, глава этой группы, отличалась скверным характером, но и потому, что ноги у Карлы всё-таки были коротковаты, а зад – плоский, и чересчур широкие плечи пловчихи изящества её коренастой фигурке не добавляли. В ярком трико и короткой юбчонке Карла смотрелась бы, как трансвестит.

Это было ясно всем, кроме самой Карлы, которая упорствовала: Минди завистливая грязная сучка, которая никогда не допустила бы в свою группу действительно спортивную девушку.

Было и ещё кое-что, из-за чего Карла устроила своё представление, но это уже касалось всех: и её самой, и Алекса, и Томми, всей их тройки, дружной ещё со времён сопливых носов.

– Томми, я серьёзно, – сказала Карла. – На тебя вся надежда: нам нужно хорошее интервью. Ты умеешь уговаривать людей, ты хорошо пишешь. Из нас троих, ты, пожалуй, единственный, у кого настоящий талант журналиста.

– Эй, – сказал Алекс.

Карла только отмахнулась.

– Алекс, твои рассказы нравятся всем подряд. Подумай ты над этим хоть немного.

– Что в этом плохого?

– А ты подумай.

Алекс сел, покачал головой, словно статуэтка буддийского божка:

– Меня просят написать слезливое, я пишу – все плачут, меня просят написать весёлое, я пишу – все смеются. Это профессионализм, детка. Профессионализм, а не попытка угодить всем и каждому. Советую тебе перейти на тот же уровень, иначе ты со своими «кубиками» так и застрянешь в этом городишке и в лучшем случае будешь фотографировать матчи местной футбольной команды для паршивой спортивной газетёнки, а в худшем – сраные подгузники пятерых своих детишек.

Карла вскочила и ткнула указательным пальцем в лоб Алексу: словно ствол приставила.

– Па-аршивый ублюдок!..

– Ладно, – торопливо сказал Томми. – Вы тут продолжайте, а мне пора на тренировку.

Он ничуть не беспокоился за ссору друзей, потому что знал, чем она закончится: Карла достанет пачку сигарет, и они молча будут курить. Она – красиво обхватывая фильтр полными губами, Алекс – чуть слышно покашливая.

По дороге Томми попался кадр из тех, что Карла называла «кубиками жизни» – парень у автобусной остановки опасливо крошил налетевшим голубям булку из полиэтиленового пакета. Вокруг парня собралось множество испархивающих птиц, а он присел и пытался привлечь их поближе, держа вытянутой ладонь с крошками. Голуби терпеливо ждали в сторонке и с рук клевать не желали, но и парень упорствовал.

Так он, пожалуй, пропустит свой автобус.

Получился бы неплохой кадр, подумал Томми, запрыгивая в открывшиеся механические двери. А вот ещё один... У окошка дремлет девушка в толстом шарфе, раз пять обмотанном вокруг шеи. На её щеках красные пятна, кончик шарфа лежит на полу. Сейчас жарко, и девушка явно больна. Куда она едет, сонная, напичканная аспирином?

Томми сел рядом с ней и ощутил слабый запах пота – такой бывает, когда долго мечешься в бреду под толстыми одеялами, а мать всё подносит и подносит обжигающий чай.

Автобус мягко тряхнуло на повороте. Томми глянул в окно и увидел белые оградки парка. За ними длинная череда пиццерий и прочих заведений, где можно всегда наскоро перехватить что-нибудь пожевать. Заведения, которые никогда не посещала Минди и её подружки из группы поддержки. Карла в последнее время тоже отказывается от таких перекусов, сидит и цедит свежесжатые соки. Особенно отвратительны – овощные. Томми пробовал пару раз, хватал губами трубочку из стакана Карлы, и оба раза ему вспоминалось тошнотворное морковное пюре, которым мама любила угощать его в детстве. Витамины, витамины. Что может быть хуже.

Ещё пара поворотов, и автобус остановится у школы.

Есть время подумать об интервью. У кого взять такое интервью, чтобы маленький городишко вдруг показался особенным, а не таким же, как сотни городишек штата?

И возможно ли это вообще?

Посещение дома престарелых отпадает, там, среди шамкающих ртов, орущего телевизора и запахов варёной тыквы, ничего полезного не найти. Половина старикашек не помнит ничего, вторая половина с упоением будет рассказывать, как чёртов консервный завод не доплачивал им под Рождество.

Это не интервью. Это не бомба.

Учителя будут ломаться и пытаться обратить внимание штата на проблемы с финансированием: опять сломался кулер и течёт туалет на первом этаже. Прибавят что-то о том, сколько прекрасных людей выросло под их присмотром в этом... никчёмном городишке.

Взять бы интервью у парня с голубями. Или у девчонки в шарфе.

Этим есть, что сказать. Они могут рассказать про то, что город этот, внешне совершенно благополучный, давно и прочно занимается консервацией не только вишни и персиков, но и мозгов. Что у каждого здесь серое вещество защищено в первую очередь жестяной банкой, а во вторую – черепашкой. О том, что мисс Аффлин, будучи ещё школьницей, как-то выскочила пьяной и голой во двор своего дома и оттанцевала румбу, а теперь ей за тридцать, и ни один мужчина не сделал ей предложения, потому что мисс Аффлин – «распущенная девка, танцующая румбу голышом».

О том, что местному бездомному Грегу проезжий как-то кинул с барского плеча пятьсот долларов, и бедняга Грег пытался на эти деньги снять квартиру и устроиться на работу, но никто не сдал ему даже захудалой комнатухи, потому что Грег – это бездомный, так было всегда и так и должно быть.

О том, что школьный уборщик Стэнли – тихий придурок, по которому плачет психушка, уже не раз выбегал на дорогу и пытался лечь под автомобили, но его никогда не уволят и не отправят в больницу, потому что город чтит память его матушки, миссис Берн, известной благотворительницы. Сын такой женщины не может закончить свои дни в больнице, нет, нет, этого никто не позволит.

На Рождество Стэнли дарят сладости, а он ревет и размазывает слёзы по небритым щекам.

О таких вещах может рассказать парень с остановки, девушка в шарфе, сам Томми, Алекс и Карла, и многие из тех, кому ещё не исполнилось восемнадцати. После восемнадцати щёлкает невидимое реле, и консервный завод начинает свою работу.

Некоторые сдаются куда раньше. Красотка Минди ненавидит всё, что отличается по виду от куклы Барби, и уже рассуждает о том, как глупо поступил тот самый проезжий, что отвалил Грегу полштуки баксов. Она говорит, что лучше бы он отдал их на благотворительность.

Карла в безопасности, пока снимает свои «кубики жизни», а вот Алекс подаёт тревожные сигналы: ему нравится писать то, что нравится читать людям. Он составляет тексты для открыток, пишет в пару молодёжных журнальчиков и для школьной газеты и раз в неделю выдаёт обязательный рассказ о какой-нибудь Глории и Дугласе, которые вместе пробуют наркотики на вечеринке и вместе потом отказываются от дури в пользу здоровой семейной жизни.

Иногда Глория продолжает принимать наркотики, а Дуглас нет, и тогда Дуглас бросает её. Бывает наоборот – Дуглас продолжает уничтожать себя отравой, а Глория, плача и терзаясь, выходит за приличного молодого человека и уезжает с ним в Париж, где совершенно точно будет счастлива.

Алекс называет себя журналистом и гордится тем, что пишет подчёркнуто заказные статьи и рассказы, а в жизни пытается быть циничным и пошлым.

Томми не журналист. Его интервью пользуются спросом только в Интернете, в реальности же его не подпустили даже к школьной газетёнке. Всё началось с интервью с Пиппи-кроликом. Пиппи-кролик – это плюшевый заяц, заяц с большим брюхом и мягкими ушами, таких сотни. Живые люди не желали давать интервью неизвестно кому и неизвестно зачем, поэтому пришлось начинать с плюшевой игрушки.

Пиппи поведал читателям интернет-блога немало подробностей из жизни подростка пубертатного периода и стал недолговечной, но яркой звездой.

После того, как Пиппи изжил себя, Томми опубликовал интервью с одной из малолетних феминисток. Та несколько дней забрасывала его письмами и требовала внимания к проблемам женщин, и Томми согласился: проблемы женщин очень важны.

Интервью с феминисткой перемежалось короткими репликами выдуманного судьи Брейфиса – тот, например, очень расстроился, узнав, что нужно ввести уголовную ответственность за использование женского образа при акте мастурбации.

После пятого или шестого интервью (последней была опубликована беседа с парнем, который живописал процесс осеменения коровы), Томми решил предложить свои услуги школьной редакции.

Ему отказали вежливо и без объяснений, но с таким укоризненным видом, что стало ясно, – о приключениях Пиппи в женских раздевалках преподавателям известно всё...

Карла сказала – не переживай. И предложила поучаствовать в конкурсе «Мой город».

– Если мы возьмём призовое место, тебе тоже будет что предоставить колледжу, – сказала она.

У Алекса были рассказы о Глориях, у Карлы – победы на местных конкурсах фотографов, у Томми не было ничего.

Карла была права. «Мой город» – всё, что ему оставалось.

Девушка в шарфе вышла раньше и направилась в пиццерию. Томми выпрыгнул на своей остановке, прошёл по белой дорожке, с которой Стэнли старательно сметал листья.

Школа стояла тихой и пустой. Изредка только хлопали где-то двери, и в какой-то из учительских сипел приёмник, передавая последние спортивные новости.

Через пропахшие потом раздевалки Томми вышел на задний двор и забрался на самую верхушку трибуны. Половина сидений хранила под собой закаменевшие шарики жвачки, между сидениями виднелись цветные комки – пакетики от орешков и чипсов. Сюда Стэнли добирался в последнюю очередь, много позже окончания тренировки.

Прямо под Томми на песчаной дорожке разминалась группа поддержки. Белокурые волосы Минди то взмывали вверх, то почти мели песок – она делала глубокие наклоны.

Рядом изгибалась мостиком её ближайшая подружка Стефани. Красные и синие шары-помпоны лежали грудой, словно парик огромного клоуна.

На Минди-сиськи-ноги Томми глянул мельком, но она учуяла и этот короткий взгляд, выпрямилась, посмотрела с досадой и скривила губы.

Видимо, решила, что Томми припёрся за материалом для «женских образов», преступно используемых при мастурбации.

На её месте Томми подумал бы то же самое – она была хороша журнальной, идеальной красотой, которая не вянет, а со временем превращается в элитную красоту ухоженной дамы в возрасте. Впрочем, Томми видал однажды такую же красотку на шоссе – та оказывала услуги дальнобойщикам и ничем не кичилась. Томми пытался задать ей пару вопросов, но был послан с формулировкой «или плати, или вали отсюда». Платить было нечем, пришлось ретироваться.

Он готов был поспорить, заявись на трибуны школьного стадиона кто-то вроде Генри Стила, местного красавчика, который закончил школу три года назад, Минди вела бы себя иначе. Показала бы высший класс. Но ради Попугайчика Томми, известного только своими идиотски рыжими волосами, она стараться не будет.

Не видать Томми коронного номера, его допустили на галёрку понаблюдать за закулисными приготовлениями, как нищего, которому негде погреться и в котором никто не предполагает ни понимания сцены, ни таланта зрителя.

Пожалуй, решил Томми, если бы я таскался сюда ради неё, мне было бы неприятно и обидно.

И всё же он не удержался – помахал Минди рукой, на что она отвернулась и повела пёструю стайку девушек к другому концу поля.

В кармане очень кстати обнаружился пакетик орешков. Уже вскрытый, порванный по краю и тщательно завёрнутый, и внутри всего пара целых орехов и куча крошек, но хоть что-то. Если сидишь и ешь орехи, ты уже вроде как и беспечен, и спокоен, а если в руках ничего нет и рот не занят – явно напряжён и волнуешься.

Чуть левее и ниже, на последней у поля скамеечке, прикрывшись газетой, дремал тренер по кличке Опоссум. Толстоватый рыхлый мужик, уделяющий внимания игре столько же, сколько кольцам Юпитера.

До него футболистов тренировал молодой Кевин Кленси, но пронеслись слухи, что от избытка дружеских чувств он любит похлопывать игроков по задницам, и его уволили. Кленси пытался было ещё куда-то дёрнуться, но всё было бесполезно, слухи припечатывали сильнее судебного приговора, и он как-то чрезвычайно быстро спился.

Поначалу Кленси приходил на матчи зрителем, но на него так укоризненно смотрели и так оберегали от него своих детей – начиная с тех, что сидят в подгузнике и сосут очищенные яблочки, – что он перестал появляться вовсе.

Говорят, его приветили в каком-то баре, и говорят, этот бар почти наверняка гейский.

* * *

С уходом Кленси школьная команда превратилась в сборище идиотов, которые только и делали, что красовались и щупали девчонок. Они с треском проиграли пять матчей и развалились бы вовсе, если бы не появился Кит Хогарт. Родители Хогарта перебрались сюда три года назад и вроде бы имели какое-то отношение к плотине, по крайней мере, устроились работать именно туда. Сам Кит благополучно миновал все проблемы, которые поджидали новичков, и умудрился выбить команде нового тренера, и сам его полностью заменил.

По сути, Опоссум получал зарплату за то, что часами спал на скамейке, а славу – за то, что Хогарт сумел вывести команду из аутсайдеров на пятое место в таблице.

Родители были довольны очевидной дряхлостью Опоссума, не позволявшей ему тянуть руки к чужим задницам, школа была довольна победами, Томми был совершенно растерян.

Растерян – поначалу, когда Кит только появился в городе. Прежде Хогарты жили в Нью-Йорке, и выходки Кита, парня-из-большого-города, многих шокировали и пугали. Кит не здоровался с полоумным Стэнли. Один раз поняв, что у того в голове каша, он вовсе перестал его замечать. Это было дерзко.

Кто-то пытался рассказать Киту о заслугах миссис Берн, но он так и не понял, почему за эти заслуги нужно почитать её придурковатого сыночка.

Хогарты не участвовали в большинстве городских затей: не устраивали весеннюю гаражную распродажу, не приносили коробки с одеждой в день благотворительности, не пекли пирогов и не угощали ими соседей, и даже для того, чтобы сменить масло, выезжали куда-то, а не пользовались услугами местного автосервиса.

Все эти странности вызывали неприязнь к миссис Хогарт – манерная стареющая шлюшка, к мистеру Хогарту – за что, интересно, его попёрли из Нью-Йорка? – и создали полосу отчуждения вокруг Кита. Этим отчуждением он ничуть не тяготился. Ему хватало футбольной команды, и он совершенно не волновался от того, что игроки порой не торопились поздороваться с ним вне поля.

Главное – они слушались его на поле.

Они его слушались, и Томми, увидев один раз слаженную игру на тренировке, повадился ходить на поле почти каждый день.

Ему нравился азарт, нравилась сплочённость, с которыми выступала команда. Томми даже сделал несколько быстрых зарисовок на тему интервью с Опоссумом, но порвал листочки, потому что побоялся в открытую высмеивать пожилого и неплохого, в общем, человека.

* * *

В некоторых вопросах Томми был слишком шепетилён. Его дерзкие интервью никогда не касались тех, кому могут причинить боль по-настоящему. Алекс говорил, это непрофессионально. Карла хвалила и рассказывала о дамочке, которая фотографировала автомобильные катастрофы, норовя воткнуть объектив фотоаппарата в самую гущу разваленного человеческого мяса. Карла говорила, эта дамочка получала неплохие деньги, но её методы... тут Карла закатывала глаза и хмурилась. Алекс смеялся – будь беспристрастна, говорил он. Ни жалости, ни сочувствия. Ты машина, передающая информацию людям, детка. Прекрати ныть и займись настоящим делом.

Томми не вдавался в подробности и тонкости «настоящего дела». Он был любителем, который не сумел тиснуть свой материал даже в школьную газетёнку, с него и взятки гладки.

Хотя было бы забавно налететь на Опоссума и спросить, с каким счётом его команда выиграла последние три матча и под каким номером выступает квотербек.

Томми представил сонное, ошарашенное лицо Опоссума: квотербек? Счёт? Иди отсюда сынок, мы слишком заняты.

И Карлу бы с фотоаппаратом, запечатлеть момент... Кубик жизни.

Отношение к Киту менялось медленно, но менялось. Ещё пару лет назад он был просто «этот квотербек», но весной этого года Томми, наблюдавший молча, заметил изменения.

Первой на разведку отправилась Стефани, ближайшая подруга Минди. Стефани небрежно пригласила Кита на вечеринку, на которую тот не пришёл. Мужского пола особи, стоявшие на той же ступеньке общественной иерархии, что и Томми-Попугайчик, грызли себе руки и придумывали, что бы они ответили, подойди к ним Стефани с таким предложением, где бы взяли крутую тачку и сколько бутылок пива смогли бы выпить.

Тачки ни у кого из них, естественно, не было – обычно родители дарили машину по факту поступления в колледж и то со многими оговорками. У Кита машина была. Нью-Йорк, это всё Нью-Йорк с его пренебрежением к здоровью и воспитанию детей. По поводу крепкого чёрного «форда» Хогарта разразился даже маленький скандал – ему не хотели давать место на школьной парковке. У нас так не принято, мистер Хогарт, мягко объяснял директор. Понимаете, здесь дети... и вдруг у одного из них машина.

Мистер Хогарт оповестил, что по законам штата шестнадцатилетний подросток имеет право на личный автомобиль.

Директор копнул глубже и согласился, напомнив, что иметь-то имеет, но вождение после полуночи и до утра ребёнку запрещено, а также запрещено катать других подростков. Он так и сказал – «катать».

Мистер Хогарт ничего не имел против. Кит не ездит ночами, и у него нет друзей, которыми можно было бы напичкать несчастный «форд».

Директор сказал, что проследит за этим.

Мистер Хогарт поблагодарил его за рвение, и место на стоянке было выделено.

* * *

Наверное, «форд» и стал переломным моментом в отношении Кита. Минди легко перенесла отказ от вечеринки и зашла с другой стороны – предложила собрать группу поддержки для футбольной команды, куда Кит вкладывал все свои силы. Он согласился.

С радостью согласился, сказала Карла, которая слушала разговор, делая вид, что погружена в чтение школьной газеты. (Ну и дрянь там пишут, Томми!)

Минди сказала:

– Я всё сделаю сама. Ни о чём не беспокойся.

Хотела бы я посмотреть, как Хогарт «беспокоится», резюмировала Карла. Незабываемое было бы зрелище.

Хогарта действительно сложно было вывести из равновесия.

Томми, чёркая что-то в блокнотике, как-то придумал определение: в Ките было много неодушевлённого. Ещё чуть-чуть замкнутости, и его можно было бы назвать аутистом, но он им не был. На уроках всегда отвечал кратко и по существу – ни словом больше, как ни пытались учителя заставить его развить тему. Общался рваными ёмкими фразами и явно уставал от многословия и болтовни. Риторических вопросов не понимал, шутки игнорировал, хотя сам обладал тяжеловесным метким чувством юмора.

С ним было тяжело общаться – он не поддерживал тем о погоде, не примыкал к весёлым компаниям и старательно обходил все разговоры, связанные с ним самим.

Он был единственным, кто не замечал в школьном коридоре большой корзины для валентинок и не написал ни одного анонимного послания, хотя были такие, кто потратил уйму времени, сличая почерки.

Любовная тематика, на которой держалась вся непринуждённая и двусмысленная болтовня старшеклассников, отлетала от него, как резиновый мяч от стенки. Пошлые шутки его не смешили, заигрываний он не понимал.

– Ещё немного, и тёлки выстроятся в очередь, чтобы лечь под него, – сделал вывод Алекс. – Это беспроигрышная тактика, парень знает, что делает.

Алекс тоже наблюдал за Китом, но с другой точки зрения. Ему думалось, что у Хогарта особый, нью-йоркский стиль укладывания девочек в постель, и старательно изучал все приёмы, а потом копировал: напускал на себя холодность, бубнил что-то под нос и подчёркнуто не замечал никого вокруг. Алекса надолго не хватало. Он мог просидеть такой неприступной глыбой максимум час, а потом снова начинал дурить, придумывать небылицы вроде той, что

у всех психов член больше двадцати пяти сантиметров длиной, и значит, девочкам есть что поискать в штанах Стэнли.

Алекса мало кто принимал всерьёз – шумный дурачок с засратыми пошлятиной мозгами.

Вся их троица – Алекс, Карла и Томми, – если и не были аутсайдерами, то болтались где-то рядом. Карла славилась своими попытками пролезть в высшую лигу, вечными неудачами на этом поприще и язвительными комментариями по поводу школьной элиты, в ряды которой так хотела влиться. Томми, ещё в младших классах получивший кличку Попугайчик, считался безобидным неудачником с заявкой на оригинальность.

Оригинальность – ахиллесова пята Томми. Он столкнулся с ней очень давно, как-то развив на уроке целую теорию о происхождении человека на Земле. По мнению Томми, он удачно обошёл теорию эволюции, но учитель припечатал: не оригинально.

Этот штамп преследовал Томми повсюду. Ему иногда казалось, что таким образом люди просто закрываются от его идей, но доказательств не было никаких. Неоригинальный врунишка с глупой теорией происхождения человека и историей Пиппи-кролика.

Попугайчик – значит, передирала чужих слов и мыслей.

Мама, впрочем, считала, что таким прозвищем Томми одарили по причине его внешности.

– Ты моя тропическая птичка, – ворковала она. – Дай поцелую в хохолок, попугайчик мой...

Попугайчик – ярко-рыжий, с зеленоватыми широко раскрытыми глазами, взъерошенный. Всюду и всегда Томми передвигался скачками или бегом, прыгал в автобусы, носился по лужам, скакал по лестницам и никак не мог приучить себя передвигаться уверенно и степенно.

Ни ростом, ни сложением похвастаться не мог. Мелкий, суетливый, мелькал туда-сюда и сам себе иногда начинал напоминать дурацкого попугая.

Глупо было объяснять Карле, что собрался в футбольную команду. Ясно же, что никаких шансов у него нет. Только навлёт лишние подозрения.

Действительно, Томми, зачем ты таскаешься на эти тренировки?

И Томми, пробираясь между сиденьями на поле, ответил сам себе: «Я возьму интервью у Хогарта».

Отличная идея! Хогарт должен дать неплохой материал, взгляд со стороны... Он же приезжий, наверняка видит город совершенно по-другому, иначе и быть не может.

Томми перепрыгнул через вытянутые ноги спящего Опоссума и заторопился к центру поля, откуда принялись расходиться игроки, снимая на ходу шлемы.

Кит пока никуда не уходил. Он наклонился и занялся развязавшейся шнуровкой.

Отличный момент, чтобы подойти, поздороваться и предложить...

Ах, чёрт, Минди и Стефани с другой стороны поля направляются к нему же. Минди небрежно покачивает шаром-помпоном, солнце блестит в копне белокурых волос. Стефани на ходу говорит что-то быстро и очень возбуждённо, то и дело принимаясь хихикать.

Королева с фрейлиной с одной стороны, запыхавшийся Попугайчик – с другой. Королева явно придёт первой, она уже совсем близко.

Томми выхватил блокнот и ручку – главное, чтобы руки были заняты, тогда ты не просто так, а занят и сосредоточен... Он подоспел к середине начавшегося разговора.

– Значит, я тебя записываю? – Минди тоже держит наизготовку крохотный блокнотик в красивой обложке.

– Пиши, – согласился Кит.

Он тоже уже снял шлем, волосы примятые и мокрые, под глазами синеватая усталая тень. Тяжело вести двухчасовую тренировку на такой жаре.

Стефани мельком глянула на Томми и будто невзначай отодвинула его плечом.

– Это очень важная роль, Кит, – сказала Минди. – Ты будешь играть императора, а я императрицу. Я вчера смотрела претендентов на роль Октавиана, но все они не годятся. Мне нужно что-то истинно римское.

Кит посмотрел на неё и почему-то потрогал свой нос. Томми вдруг поймал себя на том, что повторил этот жест.

– Завтра первая репетиция, ровно в два.

– Ладно.

Кит кивнул кому-то в сторону. Томми даже оглянулся – там никого не было.

– Эй, – позвал Томми, и к нему повернулась Минди.

– Ты тоже хочешь роль, Попугайчик?

– Он тоже хочет роль, – подтвердила Стефани.

– Ой-ой, Попугайчик хочет роль... Ну раз ты проторчал здесь два часа ради того, чтобы поучаствовать в моей пьесе, я подарю тебе роль статуи в покоях императора.

– Мне?

– Тебе, тебе, можешь не благодарить. Репетиция завтра в два, чтобы прилетел как миленький, понял? Запиши.

– Да... я приду, конечно.

– Вот и славненько. Держи распечатку.

И обе они повернулись и пошли прочь, покачивая бёдрами и задевая загорелыми руками короткие юбочки.

Томми оглянулся – Кит Хогарт бесшумно ушёл ещё в начале разговора и уже исчез в дверях раздевалки.

* * *

Ну и день. Сплошная каша. Глупые фотографии, глупая идея взять интервью у Хогарта. Томми даже не пытался его догнать – точно знал, что Кит примет душ, переодеется, снимет «форд» со стоянки и укатит домой. Не врываться же в душевую с воплем: «Пару слов для прессы, приятель!»

Чем дальше Томми думал о таком варианте, тем больше он ему нравился. Это было бы смело и оригинально. Неважно, что случилось бы потом, но сам факт...

Он брёл мимо парка. Отщипывал зелёные листочки, лезущие через ограду, некоторые прикусывал, некоторые, самые пыльные, сразу отбрасывал. Блокнотик лежал в кармане. По инерции Томми вписал туда время завтрашней репетиции. Великолепно, теперь он ещё и статуя в покоях императора. Завтра все будут носиться с заученными ролями, требовать грима и костюмов, а его, Томми, изваляют в муке, как сладкий пирожок, и водрузят над местом действия.

Император Кит Хогарт будет сидеть и делать значительное лицо, Минди будет бродить туда-сюда, очаровательная в римской накидке, а Томми, Попугайчик Томми, торчать где-то сверху и справа, в глубокой... нише.

Распечатку пьесы Томми нёс под мышкой. Может, статуи оживут и скажут хотя бы пол-слова?

Торопиться некуда, и с самого утра не ел ничего, кроме ложечки джема у Карлы. Можно завернуть в пиццерию, взять пару кусков пиццы, один обязательно с грибами и ветчиной, выпить колы и прочитать творение Минди.

Томми толкнул дверь пиццерии и запрыгнул за ближайший столик, смяв клетчатую скатерть веером и опрокинув солонку.

Солонку он сразу же поставил на место, попытался пальцами собрать соль, не смог и просто стряхнул её на пол.

– Большую колу, пиццу с грибами и ветчиной, пожалуйста.

Заказ он делал уже рассеянно, потому что вынул из файловой папки листочки с ролями и принялся читать, по привычке пожёвывая зубочистку.

Пьеса начиналась с монолога императрицы: «Мой муж! Мой сын! Мой сын! Мой муж!»

Томми заглянул в следующий листок и прочитал реплику сына императрицы Друза: «Моя мать! Мой отец не хочет видеть меня здесь?»

Следующим выступал Октавиан: «Жена моя! Твой сын Друз ещё здесь?»

Принесли пиццу и колу, и Томми отложил пьесу в сторону.

Пробил крышечку стакана трубочкой и поднял наконец голову.

За соседним столиком виднелась узкая сгорбленная спина, болтался конец толстого шарфа. С девушкой в шарфе сидел Кит Хогарт и смотрел почему-то прямо на Томми. Девушка в шарфе уронила скомканную салфетку и наклонилась, и Томми, по птичьей своей беспечности, радостно помахал Киту стаканом.

Глава 2

Мать Карлы много курила. Пепельницы стояли повсюду – на подоконниках, журнальных столиках, полках и на полу. Запах дыма намертво впитался в обивку диванов и кресел, и даже горшочные фиалки благоухали крепким табаком.

А ещё мать Карлы работала в ночную смену в ресторанчике «Домино», где восемь часов подряд драила посуду, засучив рукава и не выпуская из зубов сигарету.

Пепельница на столе всегда полна окурков, считать их никто не будет, и потому на вечерних собраниях кухня заполнялась серым дымом всего за полчаса.

Алекс, как обычно, курил много, хотя его и мучил сухой кашель. Карла – изредка затягивалась и откладывала сигарету. Томми не курил вовсе, потому что знал: вернуться от Карлы в прокуренной одежде – это одно, а закурить по-настоящему – совершенно другое. Мать узнает и оторвёт голову начисто.

– У кого что созрело?

У Алекса созрела статья. Он развернул листок и с выражением зачитал:

– «Рождение города затеряно в глубине веков – так можно сказать о великих столицах мира, Лондоне и Риме, Москве и Париже, но этого нельзя сказать о маленьком американском городке, который...»

– Только не маленький гордый американский городок, – сказал Томми.

– А начало неплохое, – добавила Карла. – Обман на тарелочке.

– Все любят маленькие гордые американские городки, – возразил Алекс, – есть ещё героический момент... Послушайте: «В тяжёлые годы Второй мировой войны жители неустанно трудились на консервном заводе, чтобы обеспечить американскую армию питанием, сделанным с любовью и верой в победу».

Томми поднял на него глаза. Во время чтения он что-то черкал в блокнотике по старой привычке, из-за которой выбрасывал по десятку изрисованных блокнотов ежемесячно.

– Про войну – хорошо, – сказала Карла, – у меня и фото подходящие есть. Вот.

Она отложила сигарету, и та покатила по столу. Томми поймал её на самом краю и положил в пепельницу.

Из плотного конверта Карла вынула пачку фото, отобрала некоторые и разложила веером.

– Старый завод. Новый завод после пожара. А эти я снимала пару месяцев назад.

– Что это?

– Тени. Видите? Тени на заборе. Это тень какого-то старичка, который стоял на том месте, где прежде была остановка для служебных автобусов, а это – тень столба, оставшегося от остановки. Мне показалось, что это хороший кадр – тень прошлого, пришедшая посмотреть на обнесённый забором завод, где прежде работало тело. Понимаете?

Томми перевернул фото.

– Половина истории осталась в твоей голове, Карла. Без пояснений это просто фотография забора.

– Пояснение можно написать, – предложил Алекс, затягиваясь. – Тень дедушки, тень несуществующей остановки, забор, консервный завод, остальное спрашивайте у фотографа. И привязать Карлу к стенду на верёвочку. Она расскажет, в чём соль, и где работало тело.

Глаза Карлы влажно заблестели.

– Да, но в этом фото есть смысл, – сказала она.

– Только его не видно.

– А разве всё должно лежать на поверхности?

– А разве кто-то обязан додумывать за тебя? Карла, если тебе хотелось снять такой сюжет, нужно было нарядить старикашку в старую форму, поставить его на фоне ворот, чтобы он прислонился к ним лбом и вцепился в прутья натруженными морщинистыми руками...

– Да сколько можно!

– Хватит, – остановил их Томми. – Фото забора не подходит, Карла. И текст мне тоже не нравится. С этим мы не выиграем. Я из-за вас никогда не попаду в колледж.

Алекс фыркнул и забросил ноги на ручку кресла. Один носок у него был с дырой и из дыры торчал большой палец. Им Алекс то и дело шевелил. Томми отметил это со смешанным чувством неодобрения и зависти: ему порой сильно недоставало пренебрежения, с которым Алекс относился к мелким недостаткам.

– Ты сам стопроцентно ни хрена не сделал, – сказал Алекс.

– Почему – не сделал... Я придумал, у кого брать интервью, и даже почти смог его взять.

– И кто этот счастливчик?

– Хогарт.

Карла рассмеялась. Алекс притушил сигарету и сказал в потолок:

– Детка, принеси ему выпить, а потом свяжи и запри в подвале.

Томми пожал плечами и нарисовал в блокноте фашистский крест. Он всё ещё размышлял, стоит ли поднимать на конкурсе темы героической помощи консервами во время мировой войны.

– Хогарт приехал из Нью-Йорка, балбес, – пояснил Алекс, пока Карла наливала в крохотный стаканчик ликёр из большой пузатой бутылки. – Он скажет тебе, что наш город – маленькая вонючая помойка, копать в которой брезгают даже скунсы. Вот и всё, чего ты от него добьёшься.

– Да о чём тогда вообще речь? – Томми отшвырнул блокнотик, и пока Карла цедила ликёр, глядя на него поверх краешка стаканчика, в волнении опрокинул и снова поставил пепельницу. – С твоими талантами и фотографиями Карлы мы изобразим на выставке страну Оз! Может, сразу в сказочники податься? Какая, к чёрту, журналистика?

– Синдром дерьмового мира, – сказала Карла и засмеялась.

– Синдром дерьмового мира! – подхватил Алекс.

– Я знаю, – сердито сказал Томми, но не выдержал и тоже начал улыбаться. – Не дурите, нет у меня этого синдрома.

– Тогда выброси из головы мысль, что самый смак журналистики, – это покопаться в сортире, чтобы вытащить на свет божий отменную толстую какашку. И оставь Хогарта в покое, он тот самый сортир и есть.

– Он вроде неплохой парень, – неуверенно сказал Томми, – я сегодня крайне некстати к нему прицепился, а он мне даже по голове за это не наступал.

Карла уселась и приготовилась слушать, Алекс попытался пустить дымное кольцо и подавился. Пока он грохотал дверцами шкафов в поисках кружки, Томми вкратце рассказал о том, как ехал в автобусе и подмечал «кубики жизни», как увидел девушку в шарфе, как попал на роль статуи, неосторожно попавшись на глаза Минди и Стефани, и под конец – о том, что девушка в шарфе ждала Кита Хогарта больше двух часов.

– У неё была температура, всё лицо красное.

– Я бы никогда себе не позволила так унижаться, – заявила Карла. – Я никогда так не стелилась перед парнем.

– А ты расстелись хоть раз, глядишь – он у тебя появится, – буркнул Алекс. – У них было свидание, Томми, а ты...

– А я подошёл и случайно опрокинул её чай.

Карла рассмеялась.

– И Хогарт тебе ничего не сделал? – уточнил Алекс.

– Глазами показал. Вот так.

– Показал тебе глазами на дверь?

– Ну я и ушёл. Принёс им салфетки со своего столика и ушёл.

– Чёрт тебя туда понёс, – сказал Алекс.

– А она хорошенькая? – спросила Карла.

– Хорошенькая, – ответил Томми. – Хорошенькая белая девчонка в шарфе.

Карла покачала головой: она слабо верила в хорошеньких белых девчонок.

– Только ты, Томми, мог так облажаться два раза за день – согласиться изображать статую на потеху сучке Минди и испортить свидание парню, у которого собрался брать интервью.

– Да ну вас, – устало сказал Томми. – Господин Писака и леди Забор. Мы все неудачники, забыли?

Карла промолчала. Она о чём-то раздумывала, приложив палец к губам. Алекс тоже не ответил – покачал головой и наконец-то пустил к потолку идеально круглое шевелящееся кольцо дыма.

– Я домой, – сказал Томми.

У него давно уже было паршивое настроение, и хотелось пройти по улицам в одиночку. Если бы не глупое вечернее собрание, отправился бы в парк, забрался под опущенные ветки ив и пошвырял бы камешки в серый грязноватый пруд, по которому плавали утки.

На пруд идти уже поздно – темнеет. Мать убьёт, если он задержится.

Точнее, сделает печальные глаза, отвернётся и будет молчать до следующего утра – наказание хуже смерти. Томми тяжело переносил молчаливые обиды, терпеть не мог, когда его не желали слушать, и мать знала это и беззастенчиво пользовалась.

Миссис Митфорд была женщиной верующей. Она верила в конец света, страшный суд, Христа, реинкарнацию, инопланетян, деву Марию, календарь маяя, адские мучения и своё собственное тёплое местечко в райских кущах.

Ей удавалось молиться по несколько часов подряд – например, когда пришлось отравить кота миссис Палмер, повадившегося гадить на лужайке Митфордов, она молилась часа четыре без остановки.

После этого благочестивого подвига она поднялась со вздохом и вручила мистеру Митфорду лопату – следы преступления нужно было замести как можно скорее, пока миссис Палмер не обнаружила, что её кот лежит одеревеневшим под соседским сиреневым кустом. Окончательно миссис Митфорд искупила свою вину перед людьми и богом, угостив безутешную миссис Палмер великолепным чизкейком собственного приготовления.

Миссис Митфорд считалась доброй католичкой, но по сути её боязливая душа преклонялась перед всем, что теоретически могло иметь над ней власть. Ей хватало ума не распространяться на людях о терзающих её сомнениях – не превратится ли Томми в следующей жизни в беспечную птичку и не случится ли так, что ей достанется какой-нибудь другой рай, кроме католического, – в юности она увлекалась индуистскими практиками.

Она порой высказывала свои опасения мистеру Митфорду, на что тот отвечал: «Гм...» и требовал новую газету.

Томми рос под влиянием спутавшихся в клубок религий и верований, и в конце концов нажил себе один лишь неподотчётный страх. Ему казалось, что наказание подстерегает его повсюду – страшно было кидаться в уток камнями, страшно было оставить дома нужную тетрадь, страшно было забыть поблагодарить маму за ужин, надеть футболку с черепами, не знать слов молитвы. Ужасно, почти смертельно страшно было влезть в драку, и вообще – ударить человека, огрызнуться, сказать резкое слово. Страшно было огорчить родителей, сорвать ветку с куста или поморщиться от церковного вина.

Конечно, Томми приводилось ломать ветки и драться, и футболку с оскаленным черепом он всё-таки приобрёл, но каждый раз, когда он переступал невидимую черту, ему становилось не по себе.

Религиозный дух, который миссис Митфорд усердно хранила в доме, держал Томми за глотку. В раннем детстве он часто плакал по ночам, потому что во снах видел себя то в адском пламени, то превращённым за грехи в муравьишку, то похищенным инопланетянами – миссис Митфорд считала, что те охотятся за особо одарёнными детишками, чтобы изучить их мозг, а Томми часто называли одарённым.

Продрааться сквозь опасную и благочестивую оборону матери было настолько сложно, что Томми пасовал. Он ни разу не позволил себе дотронуться до сигареты или выпить ликёра, он ни разу не ночевал у друзей и не возвращался домой позже десяти. До пятнадцати Томми легко мирился со своим послушанием, но теперь ему было почти семнадцать – возраст, когда все вокруг словно с цепи сорвались и выглядели при этом превосходно. Берт Моран курил траву, Минди и Стефани устраивали вечеринки с коктейлями, Курт Лембек лечился от триппера, Карла Нобл не ложилась спать, не выпив рюмки, а Алекс Митчелл научился пускать колечки...

Томми чувствовал, как смутное недовольство своей жизнью постепенно превращается в требование выразить протест. Ему хотелось высказать матери всё, что он думает о её грёбаном политеизме, о том, что убийство кота – самое подлое, что она могла сделать, что не стоило резать его модную футболку в лоскуты, и что он, Томми Митфорд, уже взрослый человек, взрослый парень, которому плевать на рай и ад и на инопланетян, пожалуй, тоже.

Он шёл по Речной улице, засунув руки в карманы толстовки и от злости то и дело прикусывал губы. Мысленно он вёл диалог с миссис Митфорд, и его лицо странно искажалось – Томми не умел скрывать эмоции.

Выглядел напуганным, когда пугался, растерянным, когда терялся, расстроенным, когда расстраивался.

Неплохо было бы научиться держать себя так, как держится Хогарт, подумал Томми. Переживать всё внутри, а снаружи быть совершенно спокойным. Если бы какой-нибудь дурачок подскочил во время свидания, Томми вряд ли смог бы просто показать глазами на дверь. Наверное, он растерялся бы, вскочил, принялся знакомить свою девушку с дурачком, делиться своей пиццей и заминать нелепую ситуацию изо всех сил.

Ему снова представилось лицо девушки – миленькое и раскрасневшееся, с сухими губами, потрескавшимися от жара.

Томми поёжился. Тёплая постель, чай и тонна лекарств – он всегда болел только так. Мать ни за что не отпустила бы его больного на свидание, даже если бы это было последнее свидание в его жизни.

Наверное, ей пришлось тайком убежать из дома.

Поднимаясь по ступенькам крыльца своего дома, Томми с тоской подумал: вокруг столько парочек. Они творят безумства, встречаются на задних рядах кинотеатров, целуются в коридорах школы, нежничают и делятся друг с другом завтраком. Карла и Алекс тоже скоро образуют уютную парочку – Томми знал, что Алекс неравнодушен к Карле уже год, и вся его бравада и напускная взрослость – всё ради неё. Карла знает об этом и наверняка ломается только для виду. Как она сказала – никогда не будет стелиться перед парнем...

Может, уже сейчас, пока Томми снимает кроссовки, Алекс с Карлой лежат в кровати, и он обнимает её бедра, целует её живот, а она пытается обхватить ногами его плечи и заставить спуститься ниже.

А может, это происходит давно и регулярно – Карла и Алекс постоянно остаются вдвоём. Ну вот и всё. Томми, ты выброшенный за борт придурок с блокнотиком в кармане.

– Томми?

– Да, мама. – Он выпрямился и аккуратно повесил ветровку.

– Четверть одиннадцатого.

– Я немного задержался.

– Я могла уже давно лежать в постели, Томми. Если я не выплусь, у меня поднимется давление.

– Хочешь, подогрею молоко?

Томми пошёл на кухню, а она следом, шлёпая мягкими тапочками и придерживая на груди разъезжающийся мягкий халатик.

– Я уже не засну, – пожаловалась она, села и молча смотрела, как Томми открывает холодильник, наливает молоко в кружку и греет его на медленном огне. – Утром будет ужасная головная боль.

Чёрт тебя возьми, подумал Томми, сцепляя зубы. Утром ты поднимешься разбитой, будешь требовать задёрнуть шторы и принести таблетку, а когда я уберусь в школу, примешься болтать по телефону с тётей Лорой и мазать лицо жирным кремом, а потом спустишься вниз и усядешься смотреть утренние шоу, поглощая фисташковое мороженое.

Однажды Томми, весь измученный чувством вины, от расстройства забыл телефон, вернулся за ним домой и застал эту картину.

– Погода меняется, – отхлёбывая молоко, сказала миссис Митфорд, – не расстраивай меня, Томми, я тяжело переношу эти перемены.

– Извини, – сказал Томми.

Наклонился и поцеловал её в тёплую макушку.

Он пойдёт в душ, а она будет сидеть здесь и ждать, пока он закончит и уберётся в свою комнату, и только после этого отправится спать.

– Мне дали роль в пьесе, – сказал Томми. – Не очень значительную, но...

– Надеюсь, ничего жуткого? – спросила миссис Митфорд. – Когда актёр играет, он программирует свою реальную жизнь. Нельзя играть маньяков, убийц, собственную смерть, несчастные случаи. Любая роль оставляет отпечаток на личности актёра. Как думаешь, почему Мэрилин Монро покончила с собой? Сцена сожрала её энергетику подчистую. Я бы не хотела, чтобы с тобой случилось что-то подобное.

– Я играю статуя, – устало сообщил Томми, – она не шевелится и не разговаривает, так что программировать там нечего.

– А вдруг тебя парализует?

– Вряд ли. Не волнуйся, мам, это крошечная роль.

И всё-таки по лестнице вверх он поднимался с тяжёлым чувством неизбежного.

Холодок поднимался по спине, словно и в самом деле подкрадывался сзади кто-то, кто с хрустом переломает Томми позвоночник и превратит в беспомощное бесчувственное тело.

Я не тело, думал он, засыпая, я – человек. Взрослый человек... Я поступлю в колледж и буду писать отличные статьи... и красивые поклонницы тоже будут ждать меня по два часа. Потом я приеду на встречу выпускников, Минди увидит меня и подойдёт с бокалом шампанского... Карла тоже приедет, у них с Алексом будут дети. Я буду получать четверть миллиона в год, куплю две машины, заведу кота... А Хогарт, наверное, станет игроком Высшей Лиги...

Поток плохо связанных мыслей прекратился. Томми заснул.

Его рука свесилась с кровати, отбрасывая мягкую короткую тень. Блокнотик, выпавший из кармана, белел на полу. С плакатов, которые давным-давно следовало сорвать со стен и отправить на помойку, на Томми пристально смотрели неподвижные глаза умерших людей. Среди них была и Мэрилин Монро – миссис Митфорд внимательно следила за содержанием плакатов и мало-помалу заменила рок-звезд своими кумирами.

* * *

Томми взбрело в голову извиниться. Он привык извиняться почти за всё, потому что хорошо знал вкус вины. Заметив, что Хогарт стоит перед своим распахнутым шкафчиком и рядом не крутится никого, кто мог бы помешать, Томми подошёл к нему.

– Привет, – сказал он.

Хогарт скользнул взглядом и кивнул. Томми не удержался и заглянул в его шкафчик: смятая футболка, коричневый бумажный пакет, пара тетрадей, знакомая распечатка в файловой папке. На дверце – футбольные карточки с фотографиями известных квотербеков.

– Я вчера смотрел, как вы играете, – сказал Томми. – Отлично играете... Я хотел тебе сказать, что вы хорошо играете, но тут высунулась ведьма Стефани и записала меня в статуи. Поэтому я подошёл к вам в пиццерии. Чтобы сказать, что... хорошо играете. Извини, что вмешался.

Вот тебе и умение общаться с людьми. «Хорошо играете» просто навязло на зубах.

– Играл когда-нибудь? – спросил Хогарт, проигнорировав «к вам» и извинение.

– О да, – сказал Томми. – В настольный теннис. У меня неплохо получалось, но не настолько хорошо, как вы играете.

Да чтоб ты подавился своим языком, Томми. Что с тобой случилось?

– Настольный теннис, да? – повторил Хогарт, вынимая из шкафчика хрустнувший бумажный пакет.

– Ага, – ответил Томми. – Маленький мячик и ракетки.

– Интересно, – сказал Хогарт, захлопнул шкафчик, развернулся и пошёл по направлению к столовой.

– Ты идёшь обедать? – спросила Карла, дёрнув Томми за руку. Откуда она взялась и как давно стояла рядом, Томми не знал.

Томми глянул на часы.

– Иду. У меня полчаса до репетиции.

– Ну так быстрее.

Томми и Карла сели за угловой столик, треснутый посередине. Это было обычное место их троицы, но сегодня не хватало Алекса – он отравился.

– Никотином, – сообщила Карла, гоняя по пластиковой тарелке кочанчик брокколи. – Выкурил почти две пачки, его ещё вчера тошнило со страшной силой.

Значит, не было для них никакой постели. Или была, и Карла пытается это скрыть?

– Боже, сюда идёт Моран, – шепнула Карла. – Томми, я тебя прошу...

Берт Моран остановился возле Томми, сгрёб его обеими руками и заорал:

– Ты т-а-ак вырос, миленький! Вчера ещё я видел тебя вот таким крошкой! Вот таким крошкой с двумя длинными ушками! Тебя звали Пиппи и ты рассказывал, как подрачиваешь у дверей женской раздевалки!

Он потрепал Томми по голове и словно от избытка чувств ударил его ладонью по затылку. Томми еле успел подставить руку – иначе впечатался бы носом в свою тарелку, прямо в картошку фри, густо залитую кетчупом.

Ломтики картошки прилипли к локтю.

– Кушай, – ласково сказал Берт. – Кушай, детка.

Все привыкли к развлечениям Берта – он давным-давно выбрал Томми своей мишенью и следил буквально за каждым его шагом, вычитывал его блоги и все интервью – черпал информацию для шуток.

Привыкли, но каждый раз смеялись. Берт, огромный и нескладный, грузное тело на коротких ногах, почти мультяшный злодей, шутил не смешно, но Томми каждый раз так нервничал и так отчаянно краснел, что шоу никому не надоедало.

– Ну что ты, маленький? – участливо спросил Моран. – Соус размазался? Не переживай, у меня есть ещё.

Он поставил обе руки на стол, наклонился и пустил длинную густую нитку слюны в тарелку Томми. Прямо на горку картошки.

– Приятного аппетита.

– Тише, Томми, тише, – шипела Карла и сжимала колено Томми под столом.

Гвоздь программы – взбешённый Томми, жалкий Томми, Томми в поисках справедливости.

Эти припадки случались с ним всё реже, но их по-прежнему напряжённо ждали.

Томми терял контроль, вскакивал и начинал метаться от стола к столу, выкрикивая бесвязные воззвания против школьного террора: он срывался в хрипоту, краснел и превращался в загнанное животное, повсюду ища поддержки и повсюду встречая только смеющиеся лица.

– Сиди, Томми, – прошептала Карла.

Томми поднял глаза, увидел устремлённые на него взгляды, увидел, что Хогарт тоже смотрит в упор, кусая листочек петрушки.

– Спасибо, Берт, – сказал он.

– Не слышу?

Моран даже ладонь приложил к уху.

– Спасибо за соус, – громче сказал Томми.

Берт снова потрепал его по голове и направился к своему столику.

– Хочешь? – спросила Карла, когда он отошёл подальше, и подвинула Томми свою тарелку с брокколи.

Томми мотнул головой, сжимая зубы. Ещё немного и польются слёзы, а показывать их ни за что нельзя. Карла со своей помощью делает только хуже.

Томми пару раз глубоко вздохнул и улыбнулся занемевшими губами:

– Сама жуй свою траву, – сказал он. – Мне не нужно сидеть на диетах.

– Ах, ты! – возмутилась Карла. – А мне, по-твоему, нужно?

Она тоже улыбалась – кризис миновал, Томми справился.

Мало-помалу от их столика отворачивались. Отвернулись Минди и Стефани, жующие листочки салата, Кирк Макгейл отложил мобильник с включённой камерой, Молли Джонсон послала Морану воздушный поцелуй, и Хогарт тоже принялся за еду.

Хогарт первый и закончил с обедом. На выходе он, почти не глядя, швырнул смятый бумажный пакет в мусорную корзину и попал.

Томми выждал несколько минут.

– Пойду выброшу, – сказал он, взял свою тарелку и пошёл между столиков.

– Подожди! – крикнула Карла. – А я?..

Она не закончила и тихонько взвизгнула. Расхохоталась Минди, Макгейл присвистнул, а на другом конце зала кто-то привстал, чтобы лучше видеть, как Берт Моран пытается содрать с головы перевернутую тарелку, а кетчуп ползёт по его лицу, смешанный со слюной и кусочками остывшей картошки.

– Томми! – почти простонала Карла.

– Митфорд! – рявкнул Моран, отплёвываясь.

Выглядел он отвратительно – на щеках и губах красные комочки, волосы слиплись, картофель повис на плечах и воротнике тенниски.

– Сюда иди!

Томми показалось, что рядом взорвался вулкан и теперь на него с грохотом несётся лавина камней. Моран лез к нему, опрокидывая столы и стулья, и был страшен, как обезумевшая горилла.

Томми повернулся и кинулся бежать. Ему под ноги попался пластиковый стаканчик и хрустнул, разбрызгивая остатки колы. На повороте Томми зацепился за ножку стула и чуть не упал, но сумел схватиться за чьё-то плечо и выскочить из столовой.

Спаси меня, боже, подумал он, выбегая в пустой ещё коридор. Где-то вдали брезжил свет – свет в конце тоннеля, открытая дверь, но до неё было слишком далеко. Да и что делать потом? Переходить на домашнее обучение?

Боже ты мой, задыхался Томми, боже ты мой... зачем? Ну зачем...

В пустом коридоре стоял только один человек, и за него Томми и спрятался.

Выпрямился, пригладил волосы и сказал дрожащим голосом:

– Слушай... я забыл свою распечатку... у меня там роль. Не дашь посмотреть?

Хогарт держал распечатку в руках.

– У тебя всё в порядке? – спросил он с интересом.

– Всё отлично, – заверил Томми и заглянул за его плечо.

В метре от них стоял Берт Моран и вытирал кетчуп со лба.

Кит обернулся и посмотрел на Берта.

Сейчас Кит отойдёт в сторону и скажет – он твой, подумал Томми и чуть не задохнулся от ужаса. Сейчас он отойдёт в сторону, следом вывалит народ, и все они будут смотреть, как Моран ставит меня раком.

Из дверей столовой уже выглядывали любопытные и доносился голос Карлы:

– Пропустите меня! Да пропустите же!

Или Моран скажет Хогарту: отойди и дай мне поплясать на костях этого говнюка...

Берт Моран тяжело дышал и всё стирал с лица кетчуп.

– Как твоя нога? – спросил у него Кит.

– Нормально, – угрюмо ответил Моран. – Завтра уже буду на тренировке.

– Растяжение, верно?

– Ерунда.

– Хорошо.

Карла наконец-то продралась сквозь толпу.

Обеими руками она придерживала растрепавшиеся волосы.

– Томми! – с такой материнской пронзительностью выкрикнула она, что снова грянул хохот.

– Я на репетицию, Карла! – и Томми кинулся нагонять Хогарта.

Он почти вприпрыжку бежал рядом с ним, боясь обернуться. Сердце стучало отчаянно, волосы на лбу намокли.

Главное, чтобы Кит не отогнал его сейчас, хотя бы до лестницы на второй этаж – это уже будет отличная фора...

Но Кит его не прогнал. Вместе они поднялись на второй этаж, вместе зашли в зал, где уже суетились с декорациями – таскали туда-сюда картонные изображения колонн, разматывали рулоны ткани и резали их, тут же скрепляя булавками. На рампе сидел Макс Айви и пытался ослепить лучом софита Анхелу Бакнер. Анхела злилась и закрывалась руками. Она учила роль – бродила туда-сюда и шевелила губами.

– Кит! – обрадовалась она. – Иди сюда. Айлин снимет мерку. А ты здесь зачем, Попугайчик?

– Я статуя.

– Тогда иди туда же, Айлин подберёт тебе простыню... А почему ты один?

– Я с Хогартом...

– Я не об этом! Статуи должно быть две, а ты один!

– Я не могу раздвоиться...

Анхелу чуть не сбили с ног очередным рулоном, и она махнула на Томми рукой.

– Я здесь! – крикнула Айлин, подпрыгивая в нише, где развешены были белые ткани и алые накидки. – Сюда!

Она устроила в маленькой нише настоящую примерочную, отгородив один уголок пыльной шторой. Сама Айлин сидела за столом, полностью заваленным обрезками, лоскутами и какими-то чертежами.

– Раздевайтесь. Да не здесь! За шторой, а то мне здесь не развернуться... медведи.

Впервые Томми причислили к «медведям» – так девушки ласково называли футболистов, отличавшихся крепким сложением.

Ради этого стоило метнуть в Морана тарелку с картошкой.

Томми нырнул за штору, потоптался в нерешительности.

– Футболки! – крикнула Айлин.

Кит поднял руки, уцепился за ворот своей футболки и потянул её. Томми повторил его движение, и они столкнулись локтями.

Томми первый выпутался из одежды, опустил руки и почувствовал прилив жара. Его организм позорно среагировал на полуобнажённое тело, на запах чужой кожи. До серьёзных проблем дело не дошло, но Томми, как и все рыжие, моментально покраснел, когда начинал смущаться, и ему пришлось отвернуться.

Кролик Пиппи как-то шутил на тему подростковой сексуальности – в пятнадцать лет встанет даже на застреленного енота, если тот разляжется пулевым отверстием кверху.

Томми про себя проклял прозорливого кролика. Тот, конечно, перебрал с метафорами, но в чём-то был прав.

– Всё? – Айлин заглянула за штору. – Сначала Кит.

И Хогарт вышел к ней, мелькнув широкой загорелой спиной.

Томми остался стоять в углу, комкая в руках футболку. Его всё никак не отпускало. Слишком интимным было это короткое уединение. Если бы Томми играл в футбольной команде, то наверняка привык бы к такому, да что там – в душ бы ходил вместе с толпой голых парней и легко шутил бы с ними о сиськах Минди без опасения опозориться.

Но Томми ни в какие раздевалки вход не был, а перед физкультурой, на которую постоянно опаздывал, переодевался последним.

– Попугайчик!

– Тут.

– Примерь-ка тряпочку...

Томми покрутил в руках ворох складок и ткани, кое-как нашёл, куда просунуть голову, и оказался в чём-то, похожем на свадебное платье.

– Господи, – сказала Айлин, прикрывая рукой рот, чтобы не рассмеяться. – Что же это такое...

Томми вышел из-за шторы и развёл руками, мол, что дала, то и надел...

Кит стоял напротив и смотрел на него. На нём тоже была белая хламида, но он не выглядел в ней смешно. Скорее – мужественно. Так, как выглядели боги и герои на картинках.

– А можно и мне плащ? – спросил Томми, поняв в чём разница.

– Нет, статуе плащ не полагается. Снимай, сделаю её покороче.

– А джинсы останутся на мне? – с надеждой спросил Томми.

– Где ты видел римлян в джинсах, – отозвалась Айлин. – Снимай. У тебя волосы хорошо укладываются?

– Не укладывал.

– Иди к Анхеле, она тебе кудряшки сделает.

Томми снова вспыхнул. Ему было невыносимо стыдно стоять перед Китом в дурацком платье и ожидать бигуди. Хогарт неторопливо выпутывался из хламиды. Из-под пояса джинсов на плоский живот поднималась тонкая дорожка тёмных волос.

Ему, видимо, было наплевать, что происходит с Томми.

В примерочную заглянула Минди. Она завязала свои белокурые волосы в пышный хвост, надела очки в голубой оправе и сунула за ухо карандаш. В этом виде она очень походила на тех режиссёров, образ которых любят изображать в кино.

– Брысь отсюда, – сказала она Томми. – Ты мне пока не нужен.

И Томми вышел, на ходу натягивая футболку, беспомощно обвёл глазами зал, приметил Карлу, сидевшую на каком-то стульчике у стены и пошёл к ней, перешагивая через расстеленные на полу листы ватмана.

– Ты придурок, – сказала Карла.

– Знаю, – согласился Томми.

– И что теперь делать?

– Сегодня попробую уйти отсюда с Хогартом. Моран не хочет с ним связываться.

– А завтра?

Томми вздохнул.

– Мне теперь деваться некуда. Моран меня в покое не оставит.

– И что?

– Да не знаю я! – Томми пнул кроссовкой стоящий рядом стул. – Куплю пистолет и прикончу его. Других идей у меня нет.

– Вот дурак, – сказала Карла. – Ну что тебе стоило посидеть смирно?

– Да сколько можно? – разозлился Томми. – Этот псих плюёт в мою еду, а я должен его благодарить.

– Думаю, теперь он будет плевать тебе в морду. Нам ещё год учиться, и каждый день он будет плевать тебе в морду, вот увидишь.

Томми поднял голову. В середине зала, тоже уже в обычной своей одежде, стоял Кит Хогарт и слушал Минди. Минди карандашиком показывала ему то в один, то в другой угол сцены, а Хогарт смотрел прямо перед собой, словно не слушая её разъяснений.

Томми и прежде знал – Хогарт сильный, очень сильный. Он видел его на поле, неутомимого, уверенного. Сто раз видел в школьных коридорах, сто раз в столовой, на улице... но только сейчас заметил, как хорошо Хогарт сложен. Он немного выше Морана, но крепче стоит на ногах и маневреннее его, он не шире Морана в плечах, но развит гармонично, и если Моран выглядит неопрятно-дряблым, то Хогарт – крепким и подтянутым.

Моран боялся Хогарта, вот в чём дело.

Если подумать, то половину бед Томми преподносит на блюдечке именно футбольная команда – те самые медведи, которых хлебом не корми, дай только поиздеваться над Попугайчиком...

Если подумать ещё, то станет ясно – все они сталкивались с Хогартом на поле, и все они знают, на что он способен.

– Мне нужно подружиться с Китом, – сказал Томми.

– Что?

– Подружиться с Китом Хогартом.

Глава 3

Вечером в пятницу Оливия Хогарт жарила котлеты. Это была традиция, ритуал, которому она отдавалась со всей страстью стареющей матери семейства. Оливия Хогарт была из тех женщин, чью красоту время уничтожает беспощадно.

На фотографиях десятилетней давности она была ещё свежа, но уже обзавелась глубокими складками на лбу и у крыльев носа. С тех пор кожа её продолжала сжиматься и растягиваться: высохли губы, обвис подбородок, опустились веки. Оливия упорно не замечала изменений – каждое утро она наносила на щёки и скулы розовую блестящую пудру, которая придавала ей девичьей свежести в молодости, а теперь беспощадно выставляла напоказ все складки и обвислости. Оливия уверенно рисовала губы и особые «кошачьи» глаза с помощью длинных стрелок, которые непременно размазывались к полудню.

Она всё ещё жеманилась, надевая платье с открытыми плечами, умела заливаться загадочным тихим смехом и многозначительно наматывать на палец прядь химически белокурых волос, но пользовалась этими умениями всё реже и реже, предпочитая всё сильнее увязать в придуманных домашних традициях: котлеты по пятницам, уборка по средам, «монополия» по вторникам, рюмочка коньяка по субботам.

Впрочем, её всё ещё считали красивой. Она так гордо вышагивала, так умела повести глазами, что мужчины провожали её взглядами.

Оливия умела одеваться, и это тоже держало её на плаву: её крошечные всепогодные шарфики, брошки и пуговицы – всё составляло единый ансамбль, который на миссис Хогарт звучал тихо и удивительно стройно.

В гостиной Хогартов висел её портрет, увеличенный во много раз, и редкий гость – например, полицейский, зашедший предупредить о возможности разлива реки, – не обратил бы внимание на этот портрет.

Кит не мог сказать, что знает о матери хоть что-то определённое. Она была мила, внимательна, ласкова, но совершенно пуста. Что скрывалось за набором милых привычек и распорядком жизни семьи, не знал никто. Оливия напевала утром, стирая пыль с полок, напевала в садике, высаживая маргаритки, любила слушать музыку с пластинок, вишнёвый пирог и дождливую погоду.

Она жила одним долгим, бесконечно долгим днём – не было для неё ни будущего, ни прошлого. Пожалуй, её долгий день начинал клониться к вечеру, но миссис Хогарт любила вечера – это время, когда можно устроиться под пледом с тарелкой вишнёвого пирога и смотреть любимые шоу до тех пор, пока не потянет в сон.

Она не верила в то, что стареет, она не помнила даты рождения своих детей, не могла точно сказать, какой колледж заканчивала, не думала о том, что Киту тоже вот-вот нужно будет определиться с местом учёбы.

Она недоумевала, когда портились продукты, не могла поверить в смерть любимого хомяка и насмешливо фыркала, услышав об открытии Америки Колумбом, – была уверена, что Америка существовала всегда и сразу с ней, с Оливией Хогарт.

Её не интересовали науки и планы на будущее, смешили новости о марсоходах и полётах на Луну, и в бога она тоже не верила, потому что он не сподобился спуститься на землю, постучаться к Хогартам и напроситься в гости на стаканчик бренди.

Кит был похож на неё внешне – и ему тоже, видимо, грозило раннее старение, потому что еле заметные морщинки на лбу показались ещё год назад, и многое перенял и от её характера. От неё он научился непримиримой конечности суждений, спокойствию и равнодушию к своему окружению.

Было одно серьёзное расхождение, которое всё детство продержало его в напряжении. Миссис Хогарт не ставила перед собой ни одной цели, а мистер Хогарт задавался ими по пять раз на дню и требовал, чтобы они реализовались немедленно и сами собой.

Перебравшись из Нью-Йорка в маленький городок, семья Хогартов обживалась медленно и скачкообразно. Миссис Хогарт каждое утро выходила на крыльцо, обводила взглядом заросший травой дворик, удовлетворённо кивала и убиралась обратно в дом. Она знала, как должен выглядеть приличный садик и каждый раз, рассматривая заброшенную лужайку, видела на ней и розовые кусты, и песчаную дорожку, и клумбу с дельфиниумом.

Мистер Хогарт выбегал следом с листом в руках. На листе этом он тщательно изобразил план будущего садика, расчертил дорожки и насаждения, и отметил даже то место, где будет лежать живописный камень.

Мистер Хогарт подзывал Кита, показывал ему план и говорил:

– Завтра это будет сделано. Нам нужен песок, камни, пара кустов во-он туда и здесь... смотри внимательно! Календула. Вдоль забора будет расти календула. Сегодня же едем за материалами, а мать высадит цветы. Ты меня понял? Иди собирайся, сейчас же едем.

Кит кивал и шёл в дом одеваться. Натягивал чёрные джинсы и футболку, надевал спортивную куртку в цветах «Атланта Фалконс» и спускался вниз.

На диванчике перед телевизором сидела миссис Хогарт и жевала мармелад, а мистер Хогарт лежал поперёк, головой на её коленях, и дремал.

Следующим утром история повторялась – миссис Хогарт удовлетворённо кивала воображаемому садику, мистер Хогарт размахивал планом обустройства, в который каждый вечер вносил всё новые и новые улучшения.

В конце концов Кит вывел из гаража свой «форд» и отправился на строительный рынок сам. К обеду к дому Хогартов уже подвезли песок, мешки с цементом, упакованный в полиэтилен живописный камень и влажные коробки с саженцами.

Миссис Хогарт, увидев любимые маргаритки, очнулась от спячки и вынесла во двор маленькую лопатку. Мистер Хогарт потирал руки и рассматривал план дворика.

– Песка нам не хватит, – озадаченно сказал он. – И камни какие-то серые... Они должны быть красными, сынок.

И всё-таки дворик состоялся: серый камень занял своё место, дорожки были проложены, а в начале лета на розовых кустах наконец появились бутоны.

Миссис Хогарт добавила в ритуальную жизнь дома утреннюю процедуру ухода за садиком – всё было так, как она и представляла, там, где виделся ей райский уголок, он и возник словно по мановению волшебной палочки.

Миссис Хогарт не удивлялась – так происходило всю её жизнь.

Киту приходилось нелегко. Мистер и миссис Хогарт пребывали в каком-то собственном ограниченном бытии, где она играла роль прекрасной принцессы, а он – благородного рыцаря, исполняющего все её капризы.

На самом деле капризы исполнял Кит. Сгребал многочисленные планы и проекты, на создание которых мистер Хогарт убивал половину жизни, рассматривал, искал рациональное зерно и пытался воплотить их в жизнь: так была заново перекрыта протекающая крыша старого домика, куплен автомобиль для миссис Хогарт (она приходила в полупустой гараж и уходила оттуда довольной и уверенной в том, что машина уже стоит там и радуется её запаху новеньких сидений, а мистер Хогарт каждое утро забрасывал Кита ворохом журналов и рекламных проспектов, рассуждая о мощности двигателя, автоматических коробках передач и обтекаемости корпуса).

Кит выбрал машину сам, выманил родителей из дома и отвёз в автосалон, где снова свершилось чудо – миссис Хогарт безмятежно созерцала реализацию её молчаливой мечты, а мистер Хогарт гордился правильностью своих выкладок об обтекаемости и мощности.

В детстве Кит считал отца полубогом. Маленький, с нелепо зачёсанной лысинкой, мистер Хогарт в общении с людьми менялся совершенно: звучал весомо и значительно, менял голос и жесты и способен был бодаться из-за какой-нибудь мелочи до конца. Он выматывал нервы полицейским, которых заставлял за выписыванием штрафа за парковку, часами препирался с продавцами за надорванную упаковку орешков, которую обнаружил в торговом зале, знал наизусть все законы, права и обязанности и иногда даже смахивал на профессионального адвоката.

Кит с восхищением наблюдал за его крестовыми походами и старался стать таким же – умным, вежливым и колким.

С течением времени это восхищение сменилось жалостью: Кит научился видеть, как смешон этот маленький человечек в своей вечной борьбе за никому не нужные мелочи.

Мистер Хогарт был асом в обвинении опоздавшего почтальона, хозяина, выгуливающего собаку без намордника и экспертом правильного распределения снега по мостовой, но пасовал перед любой мало-мальски серьёзной проблемой.

Впервые Кит столкнулся с этой беспомощностью, когда ему было четырнадцать.

Хогарты отправились в горный лагерь, где миссис Хогарт намеревалась приобрести шикарный загар, а мистер Хогарт – освоить лыжи.

Машина заглохла прямо на заснеженной дороге, застыла в опасном положении на пока-той скользкой дороге.

Заезд туристов уже давно закончился – большинство поднялось на фуникулёре, оставив машины внизу, но миссис Хогарт не доверяла фуникулёрам, и мистер Хогарт кинулся исполнять каприз своей принцессы.

– Ничего, – сказал он. – Я-то знаю, зачем придуманы эти байки про опасную дорогу. Всё для того, чтобы драть с туристов денежки на фуникулёр. Мы поедem сами.

Телефоны не ловили сигнал. Темнело быстро – со всех сторон сгущалась тьма. Миссис Хогарт сидела на заднем сиденье и недоумевала – у неё начали мёрзнуть ноги, и эта странность выбивала её из обычного сонного состояния.

– Сейчас... сейчас... – бормотал мистер Хогарт, разворачивая какие-то карты.

Он долго просматривал их и в конце концов обнаружил, что им нужно подниматься вверх и доехать до лагеря по прямой дороге.

Миссис Хогарт сообщила, что хочет есть.

Мистер Хогарт сказал: «Сейчас, сейчас...» и снова уставился в карту.

– Нам придётся ждать подмоги, – сказал он наконец. – Здесь кто-нибудь ездит, интересно? Не переживай, сынок, когда мы отсюда выберемcя, я напишу жалобу, они у меня попляшут...

– Мы остаёмся в машине? – спросил Кит.

– Наверное. Да. Думаю, кто-нибудь появится... Или нас заметят снизу, если я зажгу фары... Я не знаю.

Кит расстегнул ремень безопасности, вытащил рекламный проспектик, пролистал несколько страниц и молча вышел из машины, хлопнув дверью.

Ему хватило пары минут, чтобы сориентироваться. Рекламный проспект обещал посещение знаменитого Лесного домика, где гостям предлагалось мясо кабана в брусничном варенье и отменный грог. Судя по проспекту, этот Лесной домик должен был торчать где-то совсем рядом.

Кит ещё раз посмотрел на фото домика, поднял глаза. Вон вдалеке та же сосна, что на фото – она единственная так высока, что вздымается над своими товарками, и она такая же лысая, с маленькой метёлочкой ветвей на верхушке.

– Кит! – тревожно позвала миссис Хогарт, минут через десять сообразив, что сына нет возле машины.

– Мы переночуем здесь, дорогая, – сказал мистер Хогарт. – Сейчас я найду Кита, и мы все обнимемся и ляжем на заднее сиденье, сберегая тепло.

Он вышел, забыв в машине перчатки.

Когда Кит вернулся с подмогой из Лесного домика (чуть правее дороги он обнаружил отличную укатанную снегоходами тропу), в машине сидела только безутешно рыдающая миссис Хогарт.

Её укутали в плед, напоили грогом и подарили скидочный талон на обед в Лесном домике.

Мистера Хогарта искали почти до утра и нашли в конце концов – обмороженного и на грани самоубийства – он намеревался прыгнуть с какого-то обрыва.

Кит тогда увидел, какой отец маленький и жалкий – вываленный в снегу, он потерял шапку, лысина блестела, волоски над ней встали дыбом. Мистер Хогарт скулил и падал и, только очухавшись в тепле Лесного домика с намазанными гелем руками, вновь приобрёл свою величавость и принялся честить правительство, своих спасителей, дорогу, снег и зимний лагерь. Он намеревался подать в суд и требовал возмещения. Миссис Хогарт сидела молча, потягивая травяной чай. Она снова погрузилась в привычное оцепенение.

В номере пансионата Кит заперся в ванной, разделся и долго всматривался в зеркало, которое отображало его только до пояса.

Кит ворошил пальцами густые волосы, чуть завивавшиеся на кончиках, ища грозные признаки облысения, внимательно оценил свои плечи и торс – широкие, закалённые тренировками, и успокоился только тогда, когда понял, что ничего общего с мистером Хогартом во внешности не имеет.

Укладываясь спать, он мысленно поблагодарил своего деда, отца Оливии, бравого вояку, который почти до самой смерти выглядел так, словно сошёл с конвейера на фабрике солдатиков в тёмно-красных беретах.

И всё же прежнее восхищение отцом давало о себе знать. Мистер Хогарт не просто так отвёл десятилетнего сына в команду футболистов. Мистер Хогарт не просто так дарил Кита плакаты с Бреттом Фарвом. Мистер Хогарт не из простой прихоти учил Кита стрелять по жестяным банкам на окраине города.

Мистер Хогарт воплощал в Ките себя – того себя, которым он всегда хотел быть и которым пытался казаться.

Если бы в семью Хогартов заглянули социальные работники, они нашли бы массу поводов отправить мистера Хогарта на скамью подсудимых, а Кита – в интернат.

Если бы Кит посчитал методы воспитания мистера Хогарта несколько странными и вздумал бы на них пожаловаться, так бы оно и случилось.

Но Кит не считал эти методы необычными – он точно знал, чего добивается его отец, и давно согласился с тем, что методы эти правильные, хотя и чувствовал иногда, как под толстым слоем его собственного спокойствия копится страх, обида, неприязнь и злость.

Все эти чувства Кит отмечал машинально. Он не задумывался над ними и не пытался разобраться – просто повесил на каждое ярлычок с определением и на этом успокоился.

К тому же, у него были вспомогательные способы обороны.

* * *

В пятницу миссис Хогарт жарила котлеты. Кит ещё в прихожей почувал знакомый запах. Он старательно припрятал распечатку своей роли под курткой, снял кроссовки и постарался проскользнуть через гостиную.

Мистер Хогарт сидел перед телевизором, обмакивая булочки в растопленное масло. На экране метались игроки «Нью-Йорк Джетс».

– Садись. – Мистер Хогарт хлопнул ладонью по дивану рядом с собой. – Давай-ка обсудим.

Это было любимое его препровождение. Кит садился рядом и объяснял тактику текущей игры. В игре «Нью-Йорк Джетс» было что обсудить, и Кит присел на край дивана, плотнее запахнув куртку.

Некоторое время Кит смотрел на экран. Ему было жарко, спина взмокла. Из кухни доносилось пение миссис Хогарт и звон посуды.

– Что скажешь?

Кит не успел ответить.

Миссис Хогарт высунулась с большим блюдом тостов:

– Кит, отнеси папе. Иними куртку.

Её фартук и рукава были в муке.

Кит нехотя поднялся, принял блюдо, прижимая локти к бокам, но листочки с ролью, запаянные в папку-файл, всё-таки выскользнули на пол, и мистер Хогарт поднял их и сразу потянулся за очками.

Кит остался стоять с блюдом в руках. Миссис Хогарт исчезла из комнаты и что-то напевала в глубине кухни.

Мистер Хогарт вчитался в заголовок, вынул листки и задумчиво их перебрал.

– Театр, сынок?

– Небольшая роль, – сказал Кит, поставив наконец блюдо.

Теперь не имело смысла оставаться в куртке, и он принялся раздеваться.

Мистер Хогарт посмотрел вверх очков:

– Ты прятал от меня это?

Кит промолчал.

– Садись-ка, сынок.

«Нью-Йорк Джетс» суматошно собрались в кучу и прыгали всей толпой, отмечая удачный тачдаун.

– Представь себе, – сказал мистер Хогарт после небольшой паузы, – что ты едешь в машине и на сиденье рядом человек, которому ты доверяешь, и вдруг этот человек достаёт револьвер...

Ему пришлось прерваться, чтобы выйти ненадолго и вернуться с револьвером.

Дуло револьвера мистер Хогарт прижал к виску Кита, а сам забрался на диван и навис над ним. От мистера Хогарта пахло булочками.

– Он тебе, оказывается, и не друг вовсе, а собирается убить тебя и забрать твою машину. И что ты ему скажешь, сынок? Быть или не быть, вот в чём вопрос? Или станцуешь танец маленького лебедя? А что ты будешь делать, когда он сделает вот так?

Щёлкнул курок, провернулся барабан револьвера.

У Кита зелень поплыла перед глазами, колени предательски задрожали, и он схватился за них руками.

– Что ты будешь делать, когда он начнёт тебя убивать? Вот так! Вот так!

Дуло вжималось в висок всё сильнее, Кита казалось, что сейчас лопнет тонкая перегородка или случится непоправимое – чёртов револьвер окажется заряжен, и за тремя-четырьмя пустыми щелчками последует оглушительный выстрел.

Против воли Кит начал наклоняться, пытаясь ослабить давление.

– Страшно? – спросил мистер Хогарт. – Никогда не бойся оружия, сынок. Я учу тебя быть настоящим мужчиной, так что держись! Не распускай сопли! Страшно?! Почему ты дрожишь?!

– Я понял, – сказал Кит.

– Больше никакого театра.

– Больше никакого театра.

– Котлеты готовы, мальчики, – сказала миссис Хогарт, заглядывая в столовую. Револьвера она будто не заметила. – Кит, подними куртку с пола...

Проклятая зелень перед глазами рассасывалась долго, но вилку Кит держал крепко, никакой дрожи.

Наверное, он давно смог бы привыкнуть к этим воспитательным мерам, если бы не видел однажды, как мистер Хогарт, размахивая «незаряженным» карабином и позируя с ним для фото, нажал на курок и всадил пулю в липу, с которой посыпались куски коры и листья.

Мистер Хогарт уверял, что после этого случая он пять раз на дню проверяет всё оружие, но то же самое он говорил и до того, как пристрелил липу.

Кит жевал котлету, хотя его всё ещё подташнивало. Миссис Хогарт то и дело спрашивала, вкусно ли получилось, и он кивал, но думал о другом – как же по-настоящему отучиться бояться? Как стать тем, кого хочет видеть отец – нестигаемым, хладнокровным, жёстким?

Что должно произойти, чтобы отвалились чёртовы нервы и получился идеал, настоящий идеал настоящего мужчины?

Кит поднялся из-за стола и пошёл наверх, в свою комнату.

Свет он включать не стал, но сразу же включил ноутбук и улёгся с ним на кровать.

Ему вдруг вспомнился маленький рыжий чудик, который днём метнул в громилу Морана тарелку с картошкой. Парень, наверное, боялся до обоссанных штанов, но его так довели, что он свой страх каким-то образом преодолел.

Кит не раз и не два наблюдал, как на рыжего Попугайчика сваливаются проблемы, связанные с неукротимой фантазией парней из футбольной команды.

Пока Попугайчик сидел смирно и благодарил своих мучителей, Кит им не интересовался. Таких дурачков в каждой школе полно.

А сегодня произошёл слом. Сработал какой-то механизм, заставивший Попугайчика побороть страх.

Мельком Кит слышал, что Попугайчик вроде бы пытается стать журналистом и ведёт блог. В блоге он наверняка расписал подробности сегодняшнего происшествия, может, ныл и жаловался, может, готовился к самоубийству.

Было бы интересно узнать, что творится в его голове после этой истории.

Кит задумчиво пощёлкал по сайтам социальных сетей, но вдруг обнаружил, что не помнит фамилии Попугайчика. Имя знал – Томми, а вот что дальше, не помнил. Какой Томми? Томми... Миддл?

Пришлось потянуться за мобильником и набрать номер Минди. Она взяла трубку не сразу, протянулись несколько долгих гудков. Конечно, девушки, которым звонит парень, со всех ног к трубке не бросаются...

– Привет, Кит.

– Привет, – сказал он, – я по делу. Подскажи мне фамилию Попугайчика. А ещё лучше – его ник.

Минди отреагировала так, словно ей предложили сделать операцию по смене пола.

– Я? Подсказать ник Томми? Ты издеваешься?

Она действительно обиделась, но быстро взяла себя в руки и рассмеялась:

– Надеюсь, это просто предлог?

И Кит сдался.

– Конечно, предлог, – сказал он. – Хотел пригласить тебя куда-нибудь. Завтра. Свободна? Минди долго раздумывала.

– Минутку, мне нужно посмотреть своё расписание, – отозвалась она и чем-то зашуршала. – Да, есть пара свободных часиков... с шести до восьми.

Кит представил себе расписание Минди: с утра три часа на телефоне, час у парикмахера, час на беговой дорожке, три часа по магазинам...

- Встретимся на мосту.
- Ты будешь на машине?
- Да.

Она снова рассмеялась, нажала отбой и тут же набрала номер Стефани, которой сообщила о подвиге в деле невозмутимого квотербека, на свидание с которым она, ясное дело, не пойдёт, чтобы рыбка поплотнее уселась на крючок, а не соскользнула сразу, блестя чешуёй.

Стефани выслушала, восхитилась, сказала обязательное «так ему и надо», поддакнула, бросила трубку и подошла к зеркалу.

Возле зеркала она приняла пару соблазнительных поз, отметила, что грудь у неё меньше, чем у Минди, но талия тоньше и бёдра аккуратнее. Приподняла волосы, посмотрела на изгиб шеи и выругалась. Почему она, Стефани, всегда номер два при этой сисястой истеричке?

Хогарт приедет на своём новеньком «форде» и будет ждать Минди на мосту, а Минди засядет дома, листая журналы с рекламой косметики.

Чем не шанс для самой Стефани?

Идея пришла моментально, вспыхнула радостным салютом: да, так и нужно сделать. Прийти на мост, будто бы прогуливаясь случайно. Надеть голубые брючки, которые так красиво подчёркивают попку, тонкую водолазку и короткий меховой жилет, который придётся позаимствовать у сестры.

Шиншилла отлично подчеркнёт её красоту.

Стефани с грохотом выдвинула ящик, раскрыла шкатулку с украшениями и выбрала тонкий золотой браслет. А на губы немножко блеска... парни не любят помаду, а они с Китом обязательно будут целоваться, так что на этот раз без помады.

Стефани собиралась было пойти порыться в шкафах старшей сестры, но вдруг опрокинулась на кровать, зажав в руке золотой браслетик, и закрыла глаза.

Это всё мечты, Стеф. Если Минди узнает, что Кит ушёл из-под её носа по милости лучшей подружки, придётся уходить из школы. Никто не умеет так унижать людей, как Минди, и именно её мнение служит сигналом к началу общей травли. Рядом с Минди безопасно, рядом с Минди чувствуешь себя хоть и второстепенной, но королевой. Девчонки набиваются в подруги, парни считают красоткой, футбольная команда носит на руках, и всегда есть возможность кольнуть любого побольнее, так, чтобы взвыл, но на следующий день сам прибежал целовать руки.

Отказаться от всего этого ради Кита Хогарта?

Как бы ни хотелось поцеловаться с ним (а может, Стефани, не только поцеловаться, в конце концов у него машина и отличное заднее сиденье, где можно позволить себе многое... не доводя до секса, конечно. Это может быть больно, хотя Минди и говорит, что ничего такого, но...) как бы ни хотелось с ним поцеловаться, но он не стоит того.

Минди даёт несравнимо больше.

Засыпала Стефани со смутной мыслью: скоро всё это закончится, закончится школа, и ей придётся поступать в колледж, а там наверняка будет своя королева, и если у неё уже будет достаточно подружек, то самой Стефани грозит полное отчуждение. Минди не будет рядом, и некому будет защитить и вовремя унижить любого, кто попадётся на пути.

Мама говорит, что в колледже всё по-другому, но Стефани в это не верит.

Не может быть по-другому. Всегда есть Самая Красивая Девчонка и её подруги. Где угодно.

* * *

Прежде чем Кит сообразил, что пригласил на свидание Минди, он сделал ещё пару звонков – никто не знал, под каким именем Попугайчик свил себе гнёздышко в Интернете.

И тогда Кит вспомнил про его подружку, Карлу Нобл, имя которой постоянно мелькало под фотографиями в школьной газете.

У Карлы оказалась страничка в соцсети, а в её друзьях – Томми Митфорд. Митфорд, вот он кто. Страничка Карлы, битком набитая фото, перекинула Кита на страницу Попугайчика.

На странице Томми тоже были фотографии: на них он в основном торчал на какой-нибудь ветке над Алексом Митчеллом, который строил рожи внизу.

Митчелла Кит вспомнил сразу – этот парень постоянно орал и бесперебойно сыпал шутками, некоторые из которых были очень удачными. Его обычно слышно по всей школе. Единственный из их троицы, кто не попадался под каток травли и держался в тени, когда назревал конфликт.

Рассматривая фото, Кит засунул руку под матрас и осторожно, стараясь не греметь, вынул из пластиковой упаковки пару оранжевых таблеток. Одну он сразу проглотил, а вторую спрятал под подушку.

Ещё раз глянув на одно из удачных фото (Попугайчик один, солнце за его спиной, и рыжие волосы светятся, будто на голове у Томми кто-то развёл маленький костёрчик), Кит нашёл в профиле ссылку на блог и открыл новую страничку.

На сегодняшней дате записей не значилось. Попугайчик вёл блог аккуратно, каждый день оставляя по посту, но эта пятница его то ли ничем не вдохновила, то ли Моран прикончил его по дороге домой.

Кит подпёр предплечьем подбородок и прочитал несколько строк. Потом поднялся, спустился на кухню и взял из холодильника банку холодной колы.

Он допил её к концу второй страницы блога Попугайчика. Хотел пойти выбросить, но передумал и просто запихнул под кровать.

Чтение увлекало его всё больше. Напряжение, вызванное револьвером папаши Хогарта, спало. Кит лежал расслабленно, с лёгкой головой и ясными мыслями, но даже в такой голове никак не укладывался эксгибиционизм Попугайчика.

Так Кит про себя окрестил тот поток откровений, которые Попугайчик тоннами вываливал на страницы своего блога. Первые три производили впечатление шокирующее – Томми рисовался фашистом-эзотериком, давно и прочно съехавшим с катушек. На четвёртой он превратился в милого печального мальчика, этакого Маленького Принца, требующего у окружающих барашка и розу. На шестой Томми бушевал, как заправский героиновый наркоман, на седьмой каялся в грехах и просил на свою голову кару небесную, дальше требовал разрушения планеты лазерным лучом, потом признавался в ликантропии, следом волной гнал детские воспоминания о каких-то бомжах-извращенцах, гоняющихся за ним с членом наперевес.

Блог читался как сборник рассказов нетрезвого писателя-неудачника.

Поначалу Кит не мог поверить своим глазам, потом – не мог поверить Томми.

Чувствовались в этих записях неуловимая фальшь, налёт пародийности, мишурный элемент. Кит перечитывал некоторые строчки по нескольку раз, надеясь поймать то слово, которое резонировало, выдавало ложь, но Томми так искусно плёл свои сети, что ничего доказать Кит бы не смог.

В этом блоге никогда не появится запись о том, как Томми решился швырнуть картошкой в Морана и о чём при этом думал.

В этом блоге нет самого Томми.

Кит выключил ноутбук, отложил его и запустил руку под подушку. Вторую таблетку он разгрыз. Сразу же занемел язык и губы – приятное ощущение. Примерно такое, какое бывает при стоматологической заморозке, но куда более чувствительное.

Раздевался Кит неторопливо, внимательно отслеживая все приливы: вот потёк холода по рукам и ногам, вот встрепенулось сердце...

Теперь уже плевать, даже если отцу взбредёт играть с Китом в русскую рулетку, Кит не дрогнет. Ему теперь не страшно. Руки не дрожат, рассосалась тяжесть в груди.

Аккуратно погасив ночник, Кит улёгся на спину и натянул одеяло до середины груди.

Напротив плакат с Бреттом Фарвом.

Бретт весело смотрит на Кита из-под шлема, за его спиной размытое разноцветное пятно трибуны с болельщиками.

«Как дела, Кит?» – «Всё нормально. У меня всё нормально» – «Слышал, один из твоих игроков повредил сухожилие. У тебя есть достойная замена?» – «Моран? Он уже на ногах. С заменами у меня туго, но этот парень отлично держится»

Бретт Фарв медленно разворачивается, номер на его спине стекает с плаката и ползёт по полу. Он взбирается на ножку кровати, а потом на грудь Кита, и врастает в его кожу, некоторое время всё ещё светится, а потом гаснет.

Бретт Фарв смеётся.

«Это талисман, Кит. Мой подарок».

– У меня есть свой номер, – возражает Кит вслух. – Мой номер – семьдесят два. Мне не нужен чужой.

«Тачдаун!»

«Плей-офф!»

«Нью-Йорк!»

«Я хотел посмотреть, как вы играете. Отлично играете!»

«Отлично играете!»

«Отлично играете!»

– Я хочу спать, Томми, потом расскажешь...

«Вы отлично играете!!!»

И вдруг вспорхнуло. Ударилось о стекло. Кит вскочил с бешено бьющимся сердцем и подошёл к окну.

Тишина. Пусто. В далёком домике на соседней улице всё ещё горит свет. И каждое ночное тёмное облако – как синий язычок попугайчика, вырванный с корнем.

* * *

Погода на следующий день оставляла желать лучшего. Деревья гнулись под порывами холодного тяжёлого ветра, в садике миссис Хогарт все маргаритки сложили головки, с крыши капало. Дождь прошёл ночью и оставил после себя хмарь, морось и серые рваные небесные простыни.

Кит до вечера маялся дурью – посмотрел пару легендарных матчей, поспал в ванной, помог матери отбить толстые куски свинины, покопался в потрохах «форда» и спохватился только в половине шестого. Ему не хватило времени привести себя в порядок и найти что-то приличное из одежды, поэтому пришлось одеться как обычно – джинсы, спортивная куртка, кроссовки.

По пути Кит решил, что единственное, куда можно двинуться в такую погоду – крошечный кинотеатр на Речной улице. Там постоянно крутят какое-то барахло, но тепло и можно купить перекусить.

Он довольно смутно представлял себе предстоящее свидание, но заранее заготовил тему для разговора – пьеса Минди, её детище, должна была стать беспроектным вариантом.

Кит ещё не решил, что делать с категорическим запретом отца на участие в этой постановке. Скорее всего, отец напрочь забудет об этом инциденте и дело с концом. Нужно попросить у Минди новую распечатку и оставлять её в школьном шкафчике.

Мистеру Хогарту в голову не придёт проверять, участвует Кит в постановке или нет. Он даже на матчи не ходит, довольствуясь только озвученным счётом.

Кит припарковал «форд» на стоянке у кинотеатра и спустился вниз по улице. Холодный ветер дул в затылок, люди шли, согнувшись, пряча руки в карманы.

На мосту никого не было. Волны неслись быстро, частой рябью, но порывов ветра Кит не чувствовал. Здесь, видимо, ветер путался в густо растущих плакучих ивах.

Проверив время на мобильном, Кит опёрся на перила и присмотрелся: внизу, на покато́м берегу с разноцветной кромкой из обёрток, бутылок и прочего мусора, бродили трое.

Доносились и голоса. Возмущённый женский и ехидный, очень знакомый голос. Слов не разобрать, а вот пламенно-рыжую голову Попугайчика нельзя не узнать.

Он был в зелёной куртке и тоже бродил по берегу, засунув руки в карманы, а теперь сел на выброшенное на берег бревно. Задницей в светлых джинсах на грязное мокрое бревно.

Вот чудак.

С ним, значит, Карла Нобл и Алекс Митчелл. На Карле разноцветная рэперская шапочка, а Митчелл курит, закрываясь от ветра ладонями.

Кит засмотрелся: прибрежная троица таскала туда-сюда штатив, на который Карла то и дело пыталась установить фотоаппарат.

Митчелл швырялся окурками и, судя по всему, ругался. Томми то садился, то снова вскакивал со своего бревна и тоже что-то доказывал, показывая то на небо, то на реку.

За наблюдением прошло минут пятнадцать. Кит снова посмотрел на время, потом по сторонам. Никакой Минди и в помине нет.

Кит замёрз, от воды несло сыростью, могильным холодом глубины.

Звонить Минди не хотелось. Обиды не было. Помогло то самое спокойствие, которым миссис Хогарт огораживалась от всего, что могло затронуть её длительную безмятежную спячку.

Пробиться сквозь толщу этого спокойствия было сложно. Кит подумал, что ему должно быть обидно, неприятно... но на самом деле ничего этого не было.

Хотелось побыстрее убраться с моста и перестать уже ждать – самое глупое и выматывающее занятие на свете.

Он выждал ещё десять минут, сунул мобильник в карман и спустился с моста, но повернул не направо, а налево и вдоль берега, а потом опять свернул и пробрался через густой занавес ветвей, осыпаящий его холодным дождём.

Бережок, издавек казавшийся крошечным, на деле таким не был, и Кит пошёл к реке, увязая в мокрой почве.

Первым его заметил Алекс, развернулся, приставил ладони ко рту на манер рупора и завыл с интонациями спортивного комментатора:

– А-а-а-а теп-е-ерь! На поле! Появляется номер семьдесят два! Кьюби-и-и с историей в десять победных матчей подряд! К-и-и-ит Х-о-о-га-а-арт!

Томми в очередной раз поднялся с бревна, Карла обернулась.

– Группа поддержки! – продолжил орать Алекс, тыча в неё пальцем. – Где танец? Встречайте!

– Придурок, – сказала Карла.

Она смотрела на Кита настороженно.

– Привет, – сказал Томми. – Алекс, заткнись.

– Почему? – спросил Алекс. – Ему приятно. Нам приятно. Сидели на помоечном берегу, и вдруг сюда скатилась такая звезда... Карла, задирай свитер, он распишется у тебя на груди. Томми, сделай пару кадров, через пять лет я продам их за миллионы.

Кит глянул на него с интересом. Да, такого сложно пустить под пресс травли.

Потом все трое затихли и неловко переглянулись. Кит явно нарушил единство их маленькой команды, влез в процесс общего дела. Никто не знал, о чём с ним разговаривать и зачем он сюда припёрся.

Кит знал, что поставил всех в неловкое положение, но ему нужен был Томми.

Он кинул взгляд на джинсы Попугайчика. Так и есть, перемазаны грязью и тиной.

Вся троица замершая, взъерошенная.

– Пойдёмте в кино, – сказал Кит. – Я хотел сходить один, но...

– Денег, – сказал Алекс, – денег у нас нет.

– У меня есть.

Карла нерешительно посмотрела на него.

– В долг?

– Нет. Просто мне скучно одному. Вы тут закончили?

– Закончили, – тут же отреагировал Алекс и выхватил фотоаппарат из рук Карлы. – Закончили давным-давно. А попкорн входит в стоимость билета? А ты на машине? Проедемся потом по трассе?

Кит кивнул в сторону Попугайчика.

– Да, если Митфорд снимет штаны.

Томми вспыхнул. Он стоял молча, держа руки в карманах, и вдруг так залился краской, что цвет его лица практически сравнялся с цветом волос.

– Ты не нажимай на него так сильно, – театральным шёпотом посоветовал Алекс. – Сначала первое свидание, цветы и коробки конфет – Томми любит сладкое, а потом уж можно и про штаны разговор заводить.

Карла не выдержала и рассмеялась.

– Они у него грязные, – попытался объяснить Кит. – Я имел в виду, у меня новые чехлы, а он в грязи по уши...

Карла хохотала всё громче, Алекс улыбался, а Томми попытался отряхнуть джинсы, посмотрел на свою измазанную ладонь и спросил:

– Я что, весь такой?

– Я даже не уверен, что тебя пустят в кинотеатр, – ответил Кит.

Что-то скрипнуло и сдвинулось. Словно тонкий слой целлофановой упаковки разошёлся и треснул пополам.

Киту потом приходило в голову странное сравнение: будто это лопнули упаковки, в которые и он сам, и Томми Митфорд были завернуты с самого рождения.

Глава 4

Золотые львиные морды раскалены до белизны. Блики бьют Томми в глаза. Щит не помогает – голову нужно держать высоко. Утомлённый жарой, Томми держится стойко, а по спине ползут едкие капли пота. Перед рядом воинов, выстроенных для смотра, ходит Кит Хогарт – он в джинсах, футболке. Но львиные морды... откуда эти золотые львиные морды. Шлем съехал Томми на глаза.

Мучительно, словно от этого зависит вся жизнь, изнемогая от жары, Томми вспоминает: легат? Лавагет?

Нет, всё не то... не легат, не лавагет... Кто же ходит перед ним в обличие Кита Хогарта? Кто держит его на изнуряющем солнце и слепит львиными мордами?

Прелат?

Нет, это что-то совершенно другое. Думай, Томми, думай. От этого зависит всё – жизнь в пыльном походе к северным германским горам. Думай, иначе в самый ответственный момент порвётся ремешок калиги, и ты грохнешься на землю, не успев прикрыться щитом, и короткий меч выпадет из руки, а германский топор войдёт точно между глаз и с хрустом, раскачавшись, выйдет обратно, с пылающим алым остриём...

Кто он? Легионер? Нет... Центурион? Декурион?

Алый плащ.

Подсказка была в пьесе Минди. Вспомни, Томми, иначе...

Жара, какая жара сегодня в Риме...

Так тяжело думать, так тяжело напрягать память... И вдруг Томми осенило: ну конечно же! Децимация! Вот и выход из сложившегося положения. Каждому десятому – снести голову одним взмахом меча.

И всё будет хорошо. Раскроются германские горы, топор останется в мозолистой руке, Томми не потеряет свой меч, а принцепс накинёт на раздражающие золотые морды спортивную куртку, и станет спокойно, прохладно и тихо.

Солнце погасло.

Томми открыл глаза. Видимо, за окном ночь, всё ещё ночь, а он никак не может выпутаться из долгого изнуряющего сна, наполненного бредом по милости высокой температуры.

К трём часам она обычно поднимается под сорок. Быстрее бы всё закончилось, подумал Томми, брезгливо сбрасывая влажное от пота одеяло.

Некоторое время он лежал на спине, наслаждаясь прикосновением свежего воздуха к коже, а потом замерз, и пришлось поднимать чёртово промокшее одеяло, переворачивать и пытаться согреться.

Томми надеялся, что матери не придёт в голову заявиться с инспекцией, горячим чаем и парой пилюль. Она неизменно сопровождала эти визиты пояснением:

– Я не сплю из-за тебя третью ночь. У меня жутко болит голова. Доктор запретил мне нарушать режим сна, потому что бессонница влияет на моё давление...

– Прости, – хрипел Томми, страдая от чувства вины.

– Ничего, – говорила миссис Митфорд, – ты мой милый мальчик, ты заболел, я готова умереть от головной боли, но буду рядом.

– Не надо умирать. – Томми сворачивался в клубок. – Иди спать.

Он старался, чтобы этот совет прозвучал ласково, но про себя кричал: «Вали спать, чёрт бы тебя побрал! Не издевайся ты надо мной, старая сука!»

– Я посижу с тобой, – отвечала миссис Митфорд. – Ничего.

Томми скрипел зубами.

Угораздило же так простудиться. К досаде за собственный идиотизм, который подсказал отличную идею: щедро смочить грязные джинсы ледяной водой из реки и после шататься в таком виде по городу, прибавлялся стыд за произошедшее в кинотеатре.

Стыд и скрытое, робкое чувство, нашёптывающее: ну и что плохого, Томми? Что такого страшного в том, что твой бред наполнен одним Китом Хогартом?

Хогарт фигура примечательная, ты так долго хотел дружбы с ним, ты ходил на эти чёртовы тренировки и часами пялился на то, как он бежит по полю.

Зачем ты это делал, Томми? Неужели затем, чтобы потом испугаться и мучиться угрызениями совести?

Нужно было спросить себя раньше – почему ты ходишь на эти тренировки?

Успокойся, Томми, успокойся, ты ничего плохого не сделал.

И всё равно Томми ворочался, кусал подушку и страдал от стыда.

В креслах кинотеатра они расположились так: Алекс, Кит, Томми и Карла.

Кит сам выбрал место посередине, разбив тройку, и никто ему не возразил. Билеты и попкорн оплатил Хогарт и мог хоть на потолке повиснуть – никто бы ему слова не сказал.

С финансами было туго у всех. Мать Карлы зарабатывала слишком мало, чтобы снабжать дочь карманными деньгами. Томми никогда о них не заикался, не желая часами расписывать, на что именно они ему нужны, а позже отчитываться за каждый потраченный доллар. Алексу денег не давали по простой причине – он действительно способен был закупиться травкой или литром-другим виски. Прецеденты были.

У Кита денег было предостаточно. Когда он расплачивался за билеты, все трое обратили внимание: мало того, что он хранил их в кожаном портмоне, так ещё и разложенными по разным отделениям, и явно не по паре купюр в каждом.

Алекс молча сделал большие глаза и подтолкнул Томми, мол, отношения надо укреплять. Профит налицо.

Карла задумчиво улыбнулась – вот что значит нью-йоркский парень.

Никто из них не мог даже представить, что Кит, по сути, распорядился половиной бюджета Хогартов и что это обстоятельство изрядно ему осточертело.

– Для твоих карманных денег можно открывать счёт в банке, – сказал Алекс в полутёмном зале ещё до начала сеанса.

Кит промолчал. Миссис Хогарт с такой небрежностью выписывала чеки, что держать деньги в банке было бы непростительной ошибкой. Она редко расплачивалась наличными – держа деньги в руках, осознавала их ценность и превращалась в скрягу, зато, не видя денег и не зная баланса своего банковского счёта, выписывала огромные суммы, не раздумывая.

Томми тоже сидел молча. Ему хотелось пошутить или хотя бы так же легко болтать с Китом, как это делает Алекс, но все фразы, приходящие на ум, либо сильно запаздывали, либо были такими громоздкими, уродливыми и неуклюжими, что не стоило даже рта открывать.

Проблема была в том, что Томми знал – Кит пришёл на берег реки не из-за скуки и не из желания найти компанию для просмотра фильма. Он чего-то ждал от него, Томми. Ему нужен был не Алекс, не Карла, а он, Попугайчик. И было бы здорово помочь Хогарту, сделать то, что ожидается, но Томми будто приморозило к креслу.

Он даже не помнил, о чём был фильм. Если напрячь память, то что-то о боях римлян и германцев (так вот откуда этот бред!), но отследить сюжет Томми был не в состоянии.

Ему почему-то казалось, что в бархатистой темноте зала случится что-то такое, что нельзя будет забыть. Например, рука Кита, спокойно лежащая на ручке кресла, тихонько сдвинется и ляжет на его руку, на руку Томми.

Эта невозможная идея сначала просто нервировала, потом начала пугать, а к концу фильма Томми настолько уверился в своих догадках, что ждал прикосновения как обязательной части программы.

У него взмок лоб (наверное, уже начал заболеть...), в груди поселилось тесное, сложное чувство страха и нетерпеливого ожидания.

Томми не приходило в голову оценить свои ожидания – зачем Хогарту тискать его в кино? На кой чёрт?

Логичного объяснения Томми не искал. Он просто чувствовал что-то важное, что назревало и готовилось к прорыву из нечувствительной области в реальность, и заранее поддался всему, что может последовать дальше.

Наверное, всему виной темнота. В ней мысли становятся откровеннее и смелее.

Томми дождался своего прикосновения. Дыхание остановилось.

И потребовалось несколько секунд, чтобы понять – это Карла, Карла, сидящая справа, положила свою ладошку на его руку и не торопилась её снимать.

Из зала Томми вышел совершенно измотанный. Все эти переживания так сбили его с толку, что оказалось – он напрочь забыл про свой попкорн и на выходе оказался с полным стаканчиком, и это послужило причиной заминки. Выкинуть что-то, купленное на чужие деньги, Томми не мог. Так и стоял перед девушкой и её раскрытым чёрным мусорным пакетом, держа стаканчик с попкорном в руках.

Алекс заминки не заметил. Он делился впечатлениями:

– Отбери у этих легионеров мечи, останутся от них обычные педика в юбках... Никогда не доверял педикам. Они Рим и развалили.

Карла щурилась и поправляла причёску.

– Томми, – позвала она.

Хогарт обернулся, забрал стаканчик у Томми и выбросил в мусорный мешок.

– Кататься! – заволновался Алекс, когда они вышли на улицу. – По трассе! Сколько она выжимает, кьюби?

Стемнело. Пронизывающий ветер ухватил Томми за ноги, забрался под ворот куртки.

– Хватит, Алекс, – сухо сказал он. – Скажи дяде «спасибо» и пойдём домой. Иначе в следующий раз он не возьмёт тебя в зоопарк.

– А здесь есть зоопарк? – удивился Кит.

– Ага. Школа «Хилл».

– Уже поздно, – сказала Карла, натягивая свою шапочку. – Спасибо, Кит, но нам пора домой.

– Вот так всегда, – расстроился Алекс, успевший нарезать вокруг машины Кита несколько кругов. – Значит, в другой раз?

– Посмотрим, – сказал Кит. – А что вы делали там, у реки?

Он выглядел утомлённым, как человек, который пару часов боролся со сном.

– Мы делали фото, – ответила Карла, – мы участвуем в конкурсе «Мой город», чтобы победить и получить для Томми хоть какое-то достижение. Иначе он не поступит в колледж.

Она говорила о Томми, но на Томми не смотрела, и сам он не торопился встречаться с ней взглядом. Руки он держал в карманах.

– А ты, наверное, после школы отправишься в Пенсильванию? – вдруг спросил Томми Кита. – Спортивная стипендия, да?

Кит достал ключи, задумчиво покрутил колечко на пальце.

– Ты почему интересуешься? – спросил он.

Порыв ледяного ветра сбросил на компанию целую пригоршню дождя, запрятавшегося в листве тёмных деревьев.

Томми вздрогнул – пара капель закатилась за шиворот. В темноте он плохо различал лицо Кита – маленький кинотеатр погасил все свои жалкие рекламные огоньки. Разозлился Хогарт, что ли?

– Просто поддержал разговор, – буркнул он.

– У меня нет никаких планов на жизнь, – спокойно ответил Кит.

По дороге домой мысли у Томми уже путались. Педики в юбках... какие к чёрту педики? О чём был фильм? Рука Карлы. Кит Хогарт. У него нет никаких планов на жизнь. Алекс, трасса, снова Карла. Стаканчик с попкорном – почему ты его так и не съел, Томми? Ждал, пока Кит возьмёт тебя за ручку, будто ты какая-нибудь девчонка, с которой после кино можно пообжиматься на заднем сиденье машины?

Томми становилось стыдно, он останавливался и мотал головой, избавляясь от наваждения.

Домой он пришёл уже с жаром. Миссис Митфорд всплеснула руками.

– Я тебя предупреждала, Томми! Почему ты меня никогда не слушаешь? Ты прекрасно знаешь, что по понедельникам я хожу на католическое собрание женщин нашего города. И что, мне теперь из-за тебя сидеть дома? Почему ты обо мне не подумал? Тебе хотелось, чтобы я никуда не пошла?

– Мама, – с трудом ответил Томми, – прости, пожалуйста. Я не хотел...

Она подошла и положила ладонь на лоб Томми.

– Господи.

– Нет, нет... – пробормотал Томми, – ещё рано – Господи... Пока что только – твою мать...

– Томми!

А он рассмеялся и пополз на второй этаж, забыв разуться.

Прошло три или четыре дня. Томми сбился со счёту, потому что шторы в его комнате всегда были плотно задернуты, и большую часть времени он спал. Хуже всего приходилось по ночам – часа в три он неизменно выпутывался из бредовых снов и подолгу ворочался, не в силах заснуть снова и не имея достаточно сил, чтобы хотя бы включить ноутбук.

Кризис миновал после ночи борьбы с германскими топорами. Утром Томми почувствовал себя настолько лучше, что потребовал завтрак. Миссис Митфорд принесла стакан тёплого молока и тёплые вафли с кленовым сиропом.

Томми с удовольствием съел вафли, а после смог встать и ополоснуться. В это время миссис Митфорд поменяла мягкие простыни и прочее постельное бельё.

Томми вернулся в свежую постель и улёгся, надев чистую футболку. Шторы наконец раздвинули. Дневной тёплый свет заполнил комнату.

– Томми, – сказала миссис Митфорд, заглядывая в комнату. – Я пойду на собрание.

Томми лишь рукой махнул, потом насторожился:

– А что, сейчас понедельник? Я неделю провалялся?

– К тебе пришёл Алекс, – сказала миссис Митфорд, – я его впустила. Он за тобой последит. Тебе нужны салфетки? Вот они, справа, на тумбочке. И не пей холодного.

Она закрыла дверь, и Томми услышал приглушённый диалог: неразборчивый голос матери и отчётливое: «Да, миссис Митфорд! Конечно, я знаю, миссис Митфорд!»

Алекс вломился в комнату сияющий. От него несло сигаретным дымом и резким запахом мужского одеколона – не иначе как позаимствовал у отца.

– Слабак, – сказал он с порога. – Ты в обморок при виде тараканов не падаешь?

– Если только нахожу их в сумочке между ежедневными прокладками и косметичкой.

Алекс рассмеялся.

– Да, ты предупредил ход моих мыслей...

– Это несложно.

Алекс присел в кресло.

– Сильно болел?

– До глюков дело дошло.

– А, – спокойно сказал Алекс, – это не так уж плохо. Мне однажды такая тёлка привиделась... Легла на меня прямо сиськами, а я задыхался, но не стал никого звать... дышать нечем, а приятно. Это у меня грипп был. А у тебя что?

– Не знаю. Мать не любит обращаться к врачам, считает, что они пьют из нации кровь или что-то вроде того...

– Кстати, о крови, – оживился Алекс, – за неделю ничего не улеглось. Моран по-прежнему желает насрать тебе в рот.

– Вот бли-и-ин, – простонал Томми, представив, как бешеный Моран бежит за ним по школе, спустив штаны с волосатой жопы. – Так и сказал?

– Да, говорит, руки об Попугайчика марать не хочется, а вот в рот ему наложить – это то, что доктор прописал.

– А откуда такие подробности? Он объявление вывесил, что ли?

– Нет, – Алекс поднял голову и посмотрел Томми прямо в глаза. – Я в курсе, потому что некоторым образом с ним сдружился.

Томми недоумённо покачал головой.

– Ты свихнулся? Он тебя десять лет от мусорного бака не отличал, а теперь вдруг сдружился...

Алекс ухмыльнулся.

– Полезные связи, друг мой, полезные связи. Я подошёл к Хогарту, потрепался о том о сём... киношку обсудил. И заодно предложил побыть спортивным обозревателем футбольной команды. Я буду ездить с ними на матчи и освещать их в школьной газете, а ещё мне дали местечко в местной газетёнке. Посмотрим, как пойдёт. Люди любят спорт и любят читать о достижениях своих детишек. Пришёл на тренировку, пожал руку паре хороших людей... и знаешь, Моран тоже не так уж плох. Он отличный полузащитник.

– Ты же ничего не смыслишь в футболе.

– Зато в младшей школе я играл в бейсбол, забыл?

Томми не нашёлся, что ответить. Взял с тумбочки салфетки и снова положил.

Ему вдруг вспомнился унижительный эпизод. Это произошло больше года назад. Митфорды укатили на какое-то очередное собрание послушать прибывшего в штат знаменитого проповедника – убралась ровно на сутки, с ночёвкой в дешёвом отеле. Томми, обрадовавшись свободе, пригласил Алекса на ночь – пицца и порно, обычная программа таких ночных бдений.

Пиццу привезли поздно и холодную, зато ночной кабельный канал не подкачал – выставил серию полнометражек с загадочным сюжетом и уймой разнообразного секса, начиная с группового и заканчивая лесбийским.

Алекс и сказал:

– Если мы подрочим друг другу, то получим неплохие ощущения.

Томми, возбуждённый до предела, – пришлось расстегнуть молнию на джинсах, иначе головка немела от боли, посмотрел на друга с удивлением.

– Здесь нет ничего пидорского, – утешил его Алекс. – Просто чужая рука... понимаешь. Будут совсем другие ощущения. Только нельзя, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Томми ещё раз глянул на колыхающиеся на экране влажные сиськи с торчащими сосками и пожал плечами.

– Я-то не расскажу, – сказал он.

– Тогда давай попробуем, – сказал Алекс и привстал, чтобы стянуть свои джинсы пониже.

На экране стонала очередная жертва таксиста, остановившего машину где-то в жёлтой пустыне среди монументальных кактусов. Таксист сосредоточенно драл её в зад, похлопывая ладонью по дрожащим ягодицам.

Алекс был прав – чужая рука давала совсем другие ощущения. Алекс частенько сбивался с нужного ритма, порой делал больно, останавливался именно тогда, когда Томми уже был

готов кончить, но само впечатление – от вмешательства другого человека в самую интимную зону, вовлеченность его в этот тайный процесс – делало происходящее нереально возбуждающим. Это не была механическая дрочка «до результата», это было что-то другое, почти настоящий секс, потому что Томми было хорошо всем телом – мышцы приятно сжимались, устало клонила голова, глаза закрывались, дыхание стало жёстким.

В какой-то момент он совсем забыл об Алексе и о том, что должен дрочить другу, а не просто млеть и ёрзать по дивану.

И Томми было плевать ровно до того момента, пока он сам не отошёл от оргазма, который пришёл поздно и долго-долго накатывал волнами, не отпуская его из тисков сладкого безразличия.

Через пять минут на порнуху смотреть не хотелось. Стоны и вопли раздражали. Алекс лениво потирал диван влажной салфеткой.

Томми застегнул джинсы и включил свет. На столе в рваной коробке валялись кусочки пиццы. В комнате держался запах спермы и пота.

Всё было мерзким и грязным.

Томми бы сумел быстро забыть этот эпизод, если бы не одно обстоятельство. Через пару дней Карла написала ему короткое: «Как ночные посиделки?»

Сердце сжалось. Она спрашивает не просто так, решил Томми и не ошибся.

Он не стал отвечать. Сначала набрал Алекса, который охотно взял трубку и, что-то жуя, пробурчал:

– Сейчас, дверь закрою... Ну что у тебя?

– Зачем ты Карле рассказал? – Томми решил сразу прижать Алекса к стенке, без предварительных ласк.

– Я ничего не рассказал, – тут же ответил Алекс. – Я пошутил. Сказал, что ты предлагал подрочить друг другу. Кое-что изменил в сюжете, но... ничего лишнего не ляпнул.

– Митчелл, зачем? – почти простонал Томми.

– Расслабься. Ты же знаешь, что всё было иначе. Плюс – самое главное-то я не сдал.

– Да зачем, я тебя спрашиваю?!

– Просто так. Шутка. Это была шутка, Митфорд, расслабься. Она всё равно не поверила. Томми в гневном бессилии смотрел на сообщение Карлы.

– И что мне ей теперь говорить?

– Скажи, что я идиот и всё выдумал.

– Она не поверит! Это, чёрт тебя возьми, подозрительно! Позвони ей и признайся.

– В чём? – Алекс снова что-то жевал. – Ты точно хочешь, чтобы я во всём признался?

– Да не во всём, а просто...

– Томми, успокойся. Я сто раз на дню отмачиваю подобные штуки. Если я буду разьяснять именно эту, то будет... как ты сказал? Подозрительно.

– Будь проклят тот день, когда я с тобой связался.

– Не принимай всё так близко к сердцу.

И Митчелл повесил трубку.

Томми улёгся перед ноутбуком, подумал ещё несколько мучительных минут и написал: «Всё как обычно», на что получил многозначительное «Понятно».

Это был первый раз, когда ему хотелось вклеить Карле подзатыльник. За то, что лезет не в свои дела, за это «Понятно», за снисходительность и за то, что умеет чуять подвох даже за полуправдой.

Что-то опасное, общее проскользнуло в этом воспоминании и нынешней дружбе Алекса с Бертом Мораном. Понятно было только одно – Томми бессилен перед Алексом и его позицией. Что бы ни случилось, Алекс всегда отмажется, да ещё так, что сам перед ним дураком останешься.

На всякий случай Томми всё же уточнил:

– Он рассказывает тебе, что со мной сделает, а ты...

– А что я? Это ваши дела, Томми, а я совсем не боец, сам понимаешь. Кстати, Карла передавала привет. Ты в онлайн когда выйдешь?

Томми вышел в онлайн, когда Алекс ушёл, утащив с собой пачку коллекционных комиксов, которые Томми старательно собирал в детстве.

Снова возвращался жар, Томми снова принялся надрывно кашлять, в груди ломило, и единственное, на что Томми хватило – это короткую строчку «чтоб вы все сдохли, суки».

Пачка всплывающих окон атаковала его на странице социальной сети. Писала Карла, Карла и ещё раз Карла:

«Привет».

«Ты заболел?»

«Томми, я знаю, ты болеешь, но ответь, пожалуйста».

«Тебе лучше? Я хочу поговорить».

«Томми, ты специально это делаешь?»

«Ты не хочешь со мной общаться?»

«Митфорд, если ты не хочешь со мной общаться, так бы и написал, нечего прятаться».

«Придунок».

Отвечать Томми не стал. Ему не хотелось общаться с уменьшенной копией своей мамы (а Карла напомнила ему именно миссис Митфорд).

Он захлопнул ноутбук и завалился на подушки, а через десять минут уже спал.

Выздоровление началось.

* * *

Снова выплыло солнце. Весна так долго собиралась развернуться во всей красе и, наконец, вступила в свои права. Листва стала темнеть, запахло молодой травой и разогретым асфальтом. Северный ветер покрутился на улицах и исчез окончательно.

Женщины всё ещё ходили по улицам в вельветовых пальто, а мужчины – в куртках с замшевыми воротниками, но возле школы уже пестрели разноцветные футболки – ученики охотно избавились от курток в первый же по-настоящему тёплый день.

Томми весь день волновал запах весны, пронзительно-синее небо поднялось на этаж выше, и птицы плескались в нём, одурев от весеннего звона.

Первый день после болезни – словно ещё одно рождение, по крайней мере, когда тебе шестнадцать. Кажется, что всё стало чище, здоровее, ярче, будто кто-то старательно надраил мир к твоему прибытию, тайком сбрызнул облака сияющим блеском, добавил в воздух каплю сложной композиции – древесного аромата и аромата запертого ещё в почках цветения.

Домой Томми решил пойти через парк. Он тоже снял куртку, хотя знал, чем это ему грозит. Куртку закинул на плечо и пошёл по аллеям. Обеденный час уже закончился, лавочки и лужайки пусты – для пикников на траве земля ещё слишком холодная.

День прошёл на удивление спокойно. Никто не задевал его в столовой, никто не грозился оторвать башку. Карла сделала вид, что не было истеричных сообщений, и встретила Томми с улыбкой. Алекс корпел над школьной спортивной колонкой.

Минди, пробегая мимо, успокоила Томми – твою роль статуи никто не занял, Попугайчик, репетиция завтра.

Кит Хогарт поздоровался кивком головы.

Всё прекрасно, Томми, расслабься. Твоя болезнь принесла уйму пользы – все они остыли и забыли о планах мести и личных разборках.

Аллея закончилась. Томми вышел на улицу, параллельную Школьной. Здесь тоже было тихо. Пара магазинчиков с пропылёнными чайниками на витринах, солнечные холодные блики на стёклах, засиженных мухами ещё до пришествия Христа.

Припаркованные машины пусты и выглядят сонными. Дорогу неторопливо переходила кошка в красном ошейнике. Это был старый район города, окружённый со всех сторон шумными центральными артериями. Маленький островок тишины. Кое-где даже сохранилась брусчатка.

Томми остановился, наклонился и потрогал гладкие булыжники. Тёплые.

Наверное, по ним ездили ещё двуколки, а какая-нибудь дама в платье цвета молодой травы восседала на одной из них, придерживая рукой развевающуюся вуаль. С ней, конечно же, сидела негритянка-нянька с узелком, в котором бережно хранился обед леди – медовые лепёшки и изюм.

Или не двуколки? Двуколка – это вроде бы коляска, пассажир которой одновременно и возница...

Томми подошёл к витрине магазинчика, заглянул внутрь. Он увидел гигантский чугунный уют и ворох старых открыток.

Здесь город чувствовался – его настоящая душа и плоть. Живая, дышащая. Не плотина – гордость города, не закованная в бетон река, не уродливый консервный завод, а такой вот маленький магазинчик, давно превратившийся в квартиру, где обитает человек, забывший о том, что он когда-то был продавцом. Отсюда и нужно начинать.

– Попугайчик!

Томми резко развернулся.

Ему ещё не было страшно, потому что голос он узнал – это голос Кирка Макгейла, парня, который в одиночку никогда никого не трогал.

Кирк предпочитал участвовать на вторых ролях, а вне таких стычек он не казался плохим – здоровался, улыбался, шутил.

Если рядом нет ублюдка, который заразит Макгейла жестокостью, он безопасен.

Ублюдок был. Берт Моран топал через дорогу, прищурившись. Макгейл шёл рядом, счастливо улыбаясь. Следом за Мораном почти вприпрыжку бежал Алекс.

Увидев его, Томми вздохнул с облегчением. Может, Митчеллу удалось усмирить порывы Морана и всё обойдётся?

Эта мысль не дала ему позорно бежать. Томми остался стоять у витрины, только рука, сжимавшая куртку за воротничок, похолодела и взмокла.

Сердце неприятно колотилось.

Моран и Макгейл, перейдя дорогу, закружили вокруг Томми двумя сытыми акулами. Сожрать сразу – не их стиль, лучше дёргать по кусочку.

– Говорят, тебя не пускают в церковь, Митфорд?

– А за что его не пускают в церковь, Берт?

– Господь проклял педиков, Макгейл, я читал Библию и знаю, о чём говорю.

– Чёрт, Митфорд, как ты мог отвернуться от Господа нашего ради того, чтобы подрочить своему другу?

Томми поднял голову и попытался увидеть лицо Алекса, но тот стоял боком и курил – в открытую курил на улице. Впервые.

– И ты, сраный педик, считаешь, что можешь швырять свою картошку в человека и католика?

– Он это сделал, Моран? – деланно удивился Макгейл. – Я бы тоже не пустил его в церковь.

– Пойдём. – Моран протянул руку, вцепился в ворот футболки Томми и потащил его в узкий переулочек, заставленный мусорными баками.

Томми не пришло в голову кричать. Он был зол, зол до тошноты и красных чертей в глазах.

Обкатанная тактика Алекса – хочешь подружиться с человеком – выверни наружу всё грязное бельё его врагов и обсуди в деталях.

Томми много раз это наблюдал, но не мог подумать, что когда-нибудь Алексу понадобится применить эту тактику против него, Попугайчика.

«Суки, – решил он про себя, – взять бы всех и...»

Дальше не думалось. Перед глазами плыло и кружилось, ноги дрожали.

– Я обещал показать тебе перехват! – крикнул Моран Алексу, загораживающему выход из закоулка-тупичка. – Вот тебе и перехв-а-а...

Он не договорил, наклонился, упёрся в землю покрепче и вдруг рванул с места со скоростью и тяжестью пушечного ядра.

Томми показалось – ещё быстрее и тяжелее. Его подкинуло вверх, затылок проехался по стене с эффектом крупной тёрки и овоща. Но это было меньшее из зол.

Плечо Берта Морана, самого крупного и безжалостного полузащитника футбольной команды, ударило Томми под солнечное сплетение.

Моран не торопился отступать. Он несколько секунд вдавливал Томми в стену, а когда отошёл, Томми повалился на землю и забился в тщетном желании сделать вдох.

Ни вдоха, ни выдоха. Томми дёргался на земле, извивался, пытаясь хоть как-то протолкнуть в лёгкие хоть глоток воздуха, но его лёгкие отказывались расправляться.

Удар, сбивающий с ног огромных парней в полной спортивной защите, пришёлся в ничем не защищённое тело.

Макгейл засмеялся – это Томми расслышал. Он корчился, бился, пытаясь спасти свою жизнь, и не заметил, как Моран стащил с него джинсы, а Кирк сдёрнул футболку, не заметил, что Алекс исчез, а в узкий проулок снова заглядывает солнце.

Он хрипел и терял сознание, когда его приподняли и свалили в мусорный бак, словно мешок гнилой картошки.

Лязгнула крышка, под Томми что-то лопнуло и обдало вонючей жижей, обёртки и пакеты накрыли его с головой, и через долгие секунды наконец-то удалось вдохнуть нестерпимую вонь тухлятины, блевотины и протухших яиц.

Он долго приходил в себя. Снаружи было тихо – Моран и Макгейл ушли, и всё-таки Томми не мог собраться с силами и вылезти из бака. Его всё ещё трясло, каждый вдох отдавался болью, по затылку катились липкие струйки крови.

Идти было некуда и незачем. Томми свернулся на разорванных мусорных мешках и попытался сдержать слёзы: стало ещё хуже, снова перехватило дыхание.

Куда идти в таком виде? Как добраться домой?

И всё-таки он выбрался, потому что больше не мог терпеть жуткую вонь. Его одежды в переулке не оказалось. Томми ощупал ладонью спину, посмотрел на пальцы – мутная оранжевая жижа. С волос капало. Несколько бутылочных осколков вонзились в предплечье. Томми выдернул их, и полилась кровь.

Одежда, телефон, книги... где всё это?.. Томми нашёл только куртку. Она валялась смятой в углу за одним из баков.

Надеть её и побрести домой в трусах? Измазанным дерьмом?

Лучше бы Моран насрал мне в рот, в отчаянии подумал Томми. Так хоть можно было проглотить, и хрен кто заметит...

Наконец-то полились слёзы – злые, отчаянные слёзы. Томми побрёл к бакам, откинул крышку и заглянул внутрь. Они наверняка выбросили все его вещи сюда. Не ходить же с ними по городу.

Он вытащил один пакет, потом второй, потом ещё три и уже забыл, зачем роется в мусоре, просто бездумно разорял бак, расшвыривал пакеты, банки, бутылки и газетные свёртки. Из обувной коробки, упавшей на землю, выскочила наружу мёртвая полуразложившаяся кошка. Наверняка рыдающему ребёнку было сказано, что она похоронена по всем правилам...

До дна Томми добраться не смог.

Он вытер пятернёй вспотевшее лицо, и запах тухлятины стал невыносимым.

– Чёрт! – выкрикнул Томми, хватаясь окровавленными руками за мокрые волосы. – Твою же мать!

Вот тебе и весна, Томми, вот тебе и – успокоились. Залезай в бак обратно, жри обкусанные гамбургеры с кислой скользкой котлетой, живи на помойке.

Ты не можешь вернуться домой.

Ни в коем случае.

Мама скажет: Томми, я же тебя предупреждала, почему ты меня никогда не слушаешь? Ох, Томми, ты так меня расстроил. Мне становится плохо, Томми.

У меня будет инфаркт. У меня больное сердце. У меня собрание!

Ты сделал это специально, Томми?

Услышав ровное гудение хорошо отлаженного мотора, Томми забился в угол, еле дыша. Только бы никто не увидел. Пусть лучше найдут тут труп через пару недель, но только не напоказ перед всем городом, пожалуйста.

Мотор умолк, и через пару минут солнце снова погасло – в переулочек завернул Кит Хогарт и остался стоять в узком проходе.

– Алекс сказал, где тебя найти.

На Ките была спортивная куртка. Такая же, как на Берте Моране.

– Уходи, а... – пробормотал Томми.

– Тебе нужна помощь?

– Мне? – взвился Томми. – Придержи своих ублюдков, Хогарт, и очень мне поможешь. Ты наплодил всю эту мразь, которая ходит по школе, задрал нос. Ёбаная элита – твоя заслуга, Хогарт! Что смотришь? Иди и окуни меня в помойку ещё раз. За оскорбление, за то, что мне насрать, умеете вы ловить мяч или нет! Нарушение системы мироздания! Недоносок смеет не уважать заслуги футбольной команды! Не дронит на неё по утрам, в обед и вечером! Иди, Хогарт, займись мной и похорони в этом переулочке – у тебя на всё есть право, да? А если не хочешь марать руки – вали отсюда на хрен.

Кит сунул руки в карманы, покачался с пятки на носок и обратно.

– Ты эту речь Морану заготовил? – поинтересовался он.

– Нет. Я надеялся, что он забыл про тот случай.

– Значит, лично ко мне относится, – уточнил Кит.

– Лично к тебе, – упрямо сказал Томми.

Кит подошёл ближе, присел перед Томми на корточки.

– Вот ты псих, Митфорд, – с удивлением сказал он. – Я единственный человек, который может тебе сейчас помочь, а ты посылаешь меня на хрен. Разве это логично?

Он снова выпрямился.

– Ладно. Тогда просто иди домой.

Томми подтянул колени к лицу, упёрся носом в сложенные руки.

– Не могу я домой, – ответил он. – У меня там и без того проблемы.

– Это я понимаю, – согласился Кит. – У меня самого... есть родители.

«У тебя самого проблемы, Кит».

Томми спрятал лицо окончательно – снова полились слёзы. Не остановить.

– Да какого чёрта ты воешь, – спокойно сказал Кит, не глядя на него.

Ему словно не нужно было видеть Томми, чтобы знать, что тот плачет.

– Хочешь, я покажу тебе, как снять стресс?

Томми отрицательно помотал головой.

– Хватит тебе, – нетерпеливо упрекнул Кит. – Такого способа в вашем городке не знают. Это самое лучшее ощущение из всех возможных ощущений. Поехали со мной. Расслабись. Только курткой вытрись. Чехлы всё равно в химчистку после тебя придётся сдавать, но всё-таки не стоит тащить мне в машину половину помойки.

Глава 5

Бретт Фарв. Он по-прежнему смотрел с плаката, но теперь молча. Кит запустил руку под матрас, вынул пластиковую упаковку, высыпал на ладонь несколько таблеток и задумчиво отделил сначала одну, потом две. Его трясло.

Он нарушил один из основных запретов – никого не приводить в дом. Никогда.

В душевой второго этажа шумела вода. Кит провёл Томми от гаража до двери, неосознанно прикрывая его. Хотелось бы со всех сторон, но не обернёшься же вокруг Попугайчика шарфиком!

Справа высокие кусты – за ними двор миссис Хайтауэр, пожилой женщины с лягушечьими глазами. Слева – низкий заборчик, скульптурная группа из дельфиниума и флоксов, а за ними двор мисс Белл. Мисс Белл – хромающая на обе ноги старушка-уточка. Насколько Кит знал, она подслеповата, и потому держался справа – всё-таки миссис Хайтауэр представляет большую опасность. «В тихом омуте...» – подумал Кит. Он не доверял миссис Хайтауэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.